

НАШИ ТАМ

ДМИТРИЙ ЗАХАРОВ

ИМПЕРИЯ
ТРОЯНОВ

Наши там (Центрполиграф)

Дмитрий Захаров

Империя троянов

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Захаров Д. А.

Империя троянов / Д. А. Захаров — «Центрполиграф»,
2019 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-08571-9

Искупавшись в затерянном таежном озере, питерская девушка попадает в эпоху Российской империи накануне Первой мировой войны. Грозный мир, волшебный, смертельно опасный и непредсказуемый, окружает ее на улицах родного города. Монстры, в человеческом облике – трояны, меняющие историю на свой прихотливый лад, населяют новый мир. И, чтобы вернуться домой, героине придется сражаться не только с сонмами чудовищ, но и одолеть собственный страх...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08571-9

© Захаров Д. А., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Дмитрий Захаров

Империя троянов

Серия «Наши там» выпускается с 2010 года

© Захаров Д.А., 2019

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2019

© «Центрполиграф», 2019

Глава 1

Эрлики

Миша Лоренц обладал даром убеждения не хуже легендарного Вольфа Мессинга. Он сверлил Дашу своими черными глазами, увеличенными линзами очков, и говорил медленно, почти не разжимая губ. Не человек, а чревовещатель! Он был настоящим авантюристом, а приводимые им аргументы пахивали клиникой мозга.

– Может быть, лучше в Анталию? – робко вздыхала девушка.

– Поглощать халявное пойло и отбивать тебя от турецких кобелей!

Даша не сумела сдержать улыбку. Круглолицая синеглазая блондинка, грудь третьего размера, стройные бедра. И при этом ни капли жира! Пресс украшают волшебные квадратики, она и по сей день по пять раз в неделю ходит на тренировки. Поступила в Лесгафта с третьей попытки. Дважды срезалась на математике. На кой черт профессиональному спортсмену нужны тангенсы и интегралы?! Многолетние занятия дзюдо не лишили ее женской манкости. А пару лет назад всерьез увлеклась бразильским джиу-джитсу и айкидо. Экзотическую японскую борьбу преподавал Павел Стрельников – харизматичный мужчина лет за сорок. По слухам – бывший офицер спецназа. Даша стыдилась себе признаться, что млеет в железных тисках мастера рукопашного боя. Он исчез так же загадочно, как и появился, говорили, кому-то свернул шею и ударился в бег. Помимо борьбы Стрельников вел курс по выживанию в экстремальных ситуациях. Он знал много всяких интересных штук. Как блокировать болевой сигнал и ориентироваться в чужеродной среде, как распознать опасных личностей и так далее. Было интересно, таких знаний в институте не получишь. Но основная причина, вынуждавшая молодую женщину заниматься рискованным хобби, – это страх. Она была трусихой отчаянной, но скорее умерла бы, чем кому-то в этом призналась.

– В Турции сейчас море теплое!

– Угу! И туземцы горячие!

Отличительной особенностью Лоренца была ревность. Ей это нравилось, но иногда раздражало.

– Я могу за себя постоять! – смеялась она. – А заодно и за тебя, милый!

– Не сомневаюсь! Сломаешь ухажеру руку, и будем куковать в Дьярбакыре!

– Новый модный курорт?

– Одна из самых ужасных тюрем в мире. Помимо прелестей восточного колорита, местные уголовники поедают своих умерших товарищей!

– Ты умеешь развеселить девушку, Лоренц!

Разговор состоялся утром, за завтраком. Лоренц любил излагать свои озарения за чашкой кофе. Накануне он накопал в инете информацию о Змеином озере. Находилось оно где-то в Восточной Сибири, под Красноярском. Затерянный в тамошних болотах уголок не тронутый цивилизацией природы. Отелей нет, удобства под елкой, если гадюки за причинное место не ужалят. Романтика на любителя! Словил на «мысле» рекламную рассылку. Аномальные зоны мира. Аризонский кратер, Бермудский треугольник, озеро Ваната, пещера Лечугила, скалы Двенадцати апостолов. Листая увлекательные странички, Михаил наткнулся на статью. Змеиное озеро в Красноярском крае. Предки Лоренца были выходцами из дремучей сибирской тайги – потомки пытливых искателей, заброшенных в чуждую кромешную еще при императрице Екатерине.

Вскоре пытливый технар, как дразнила бойфренда Даша, знал про уникальную зону всю подноготную. Информации оказалось негусто, пришлось гуглить до полуночи. Наутро, с воспаленными от бессонницы глазами, он толкал речь, сидя за остывшей чашкой кофе.

Даша была по натуре жаворонок и по утрам имела зверский аппетит. Расправившись с пышным омлетом, она внимательно его слушала, закусывая румяными булочками.

– Первые упоминания о чудесном озере датированы шестнадцатым веком – эпоха освоения Сибири отважным землепроходцем Ермаком Тимофеевичем. Населявшие те места хакасы считали, что в озере водится нечистая сила. Старший Эрлик-хан определял размеры бубна и давал новому шаману тесов – духов-помощников, оставшихся от умерших шаманов этого же рода. – Миша перелистнул виртуальную страничку. Он читал текст замогильным голосом: – С именем эрликов связываются самые тяжелые бедствия – эпидемия людей и скота. Считалось, что они наводят эти болезни для того, чтобы вынудить человека принести ему жертву; если человек не удовлетворяет желание, бес поражает его смертью. После смерти человека эрлик берет его душу к себе, уводит ее в подземный мир, творит над ней там суд и делает своим работником. Иногда эрлик посылает эту душу на землю, чтобы она приносила людям зло. В обычное время, а особенно при болезнях, алтайцы по отношению к бесам испытывали болезненный страх, боялись произносить его имя, называя его просто: кара нама – нечто черное. Несмотря на свою тяжелую зависимость от него, хакасы считали возможным обманывать его и допускать к нему те или иные неприязненные отношения. Жертвоприношениями они старались выкупить свое благополучие, задобрить эрлика. Доподлинно известно место обитания таежного Люцифера – это озеро в сердцевине болота!

Даша задумчиво теребила золотую цепочку.

– Откуда в болоте взяться озеру?!

– Такие природные феномены известны. Со всех сторон топь, а в центре чистейшее озеро. Слушай дальше!

– Про эрлика? – хихикнула девушка, с хрустом раздавив ладошкой пару грецких орехов.

– Как ты это делаешь? – пробормотал Миша.

– Тренировка, милый! Валяй дальше! Имя у демонов прикольное.

– В старину хакасы приносили бесам жертву. Топили в озере животных, птиц и даже молодых девушек. И тогда в воде можно было увидеть прошлое и настоящее, в зависимости от настроения беса. Уже много лет эрлики не получают мзду. Старые шаманы считают, что демоны, живущие в озере, гневаются.

– И что они могут предпринять?

– Демоны способны не только показывать прошлое. Они могут им управлять, влияют на исторический ход событий!

– Каким образом?

– Интересная деталь! В старинном наречии хакасов нет прошлого времени. Для его обозначения они городят многоэтажную фразу. Звучать она может примерно так: «Это происходит тогда, когда мой отец и мой дед не живут...» Что-то в таком роде. По их верованиям, прошлое никому не интересно, кроме эрликов. Демоны пользуются этим и меняют минувшие события на свой вкус!

– Твои эрлики не читали знаменитый рассказ Брэдбери! Один чудака тоже так думал, пока не раздавил бабочку в юрском периоде! Вернулся домой, а там все поменялось...

– Точно не читали! – Лоренц взъерошил густые волосы. – Иногда демоны демонстрируют версии из прошлого времени. Хакасы считают, что эрлики могут вселяться в людей, живших десятки и даже сотни лет назад, и с их помощью влиять на судьбы мира. Бедолагу, что стал инкубом демона, легко отличить по характерному признаку – длинный ноготь на мизинце.

– Ты – точно чокнутый, Мишка! – Даша смачно хрустнула яблоком. – Только ребенок может верить в компьютерный треш!

– Может, вранье, а может быть, и нет... – загадочно сверкал стеклами очков мужчина. – Здесь пишут, что сцены из века минувшего эрлики показывают почти каждый день. Картинка появляется над озером в утренние часы.

– Ты предлагаешь укатить за четыре тысячи верст ради того, чтобы полюбоваться рас-светом?! Ты – настоящий романтик, милый!

– Бьешь в точку! Посмотри! – Он подтолкнул планшет, нажал воспроизведение.

Съемки были отвратительного качества. Изображение дрожит, сквозь серое крошево зернистых пикселей видна покойная гладь воды. На берегу сидят несколько человек, по виду туристы. Вот один вскочил на ноги, указывая пальцем на берег. Колыхнулась прибрежная осока, над водой поднялся туман. Туман обратился в густое облако, через завесу рябит картинка. Как кино в формате 3D скверного качества. Будто без очков смотришь. Улицы Санкт-Петербурга, какими их можно увидеть на старинных почтовых открытках, здание дома Зингера в центре Невского проспекта, через дорогу Казанский собор. Ездят пролетки, гуляют пары. Заставка к чеховской драме «Дама с собачкой». По мостовой прокатил автомобиль, груженный людьми, над сверкающим шпилем Петропавловской крепости завис дирижабль. Даша прищурилась. На борту искрятся золотые буквы: «Янош Лютеранин – отец народов, брат солдат! Милости дому его, врагам погибель!»

Дирижабль медленно повернулся вокруг оси, стала отчетливо видна фигура на шпиле. Заходящее солнце позолотило скульптуру. В блокаду огненный шпиль специально покрывали защитной материей. В те времена вертолетов еще не сконструировали, работали альпинисты на высоте сорока метров. Фигура ангела в навершии шпиля была размером три на четыре метра. Для ее изготовления потребовалось сто пятьдесят килограммов червонного золота. У автора клипа было свое мнение насчет исторической правды. По его замыслу, воздевающийся, как игла, шпиль украшал змей, вроде знаменитых горгулий, что расположились на фронте собора Парижской Богоматери. Изображение дрогнуло, туман рассеялся.

– Кончилось кино! – бодрым тоном возвестил Лоренц.

Даша хмуро смотрела на темный экран планшета. Безмятежное настроение растаяло, как туман над загадочным сибирским озером.

– Наверняка хитрая видеожаба!

– Точно – жаба! – почему-то обрадовался Миша. Он плеснул себе еще кофе, суетливо листал страницы планшета. – А что ты про это скажешь?

Новое видео было лучше предыдущего по качеству. Народные умельцы совершенствовались. Узкие улочки, архитектура северного модерна выдает Петроградскую сторону. Компьютерная графика сработана на совесть. Предыдущее видео являлось умелой стилизацией. Нарочно небрежные съемки, камера шныряет по перспективе, как шустрый карманник на рыночной площади. Подобным образом снимали Лох-Несское чудовище в семидесятых годах прошлого века. Схоластичность изображения пробуждает человеческую фантазию – ловкий рекламный трюк. Дескать, додумывайте сами, господа! На сей раз скроено добротнo, слов нет. Маленький экран планшета демонстрирует не вымышленный скриншот, а реальную картинку, будто в окно смотришь. Серебряный век. В те времена Россия экспортировала пшеницу и рожь в объеме пятидесяти процентов всех мировых поставок. Возле парадной притаились люди. Они сжимают в руках необычное оружие, наподобие старинных арбалетов.

– Звука нет?! – отрывисто спросила Даша.

Лоренц отрицательно кивнул головой.

– Смотри дальше...

Зрелище без озвучки выглядело зловеще. Как документальная хроника. Из проулка выскочил всадник на лошади, за ним еще несколько. Кавалькаду сопровождала свора псов, похожих на родосских догов. Каждый ростом с годовалого теленка. Офицер метнул круглый шар, словно в боулинг решил поиграть. Раздался беззвучный взрыв, клубы рыжего дыма заслонили панораму. Выпущенная из арбалета стрела угодила всаднику в шею, он опрокинулся навзничь, лишенная наездника лошадь радостно загарцевала по мостовой. На стене дома, закрывая

окна квартир, красуется плакат: «Вас спасет Янош Лютеранин! Янош Лютеранин – это победа в войне и всеобщее благоденствие! Javol!»

Рядом с агитационной панорамой висит портрет. Наголо бритый череп, неподвижные черные глаза, в мочке уха сверкает серьга. На лацкане пиджака в обрамлении драгоценных камней сверкает орден. Крылатый змей – искусно выполненное ювелирное изделие, платина, серебро, эмали. На заднем фоне виднеется величественное здание храма. Причудливая смесь византийской архитектуры, органично вписанная в холодный колорит мрачного города. Купол венчает рунический символ, паучья свастика.

Даша впила ногтями в руку любовника.

– ...Твою мать! Я видела этого человека!

Видео погасло. Лоренц сверлил подругу своим магнетическим взором.

– Ты не только самая сильная девушка в Питере, но еще и образованная!

– Я увлекалась историей в школе.

– Такого не пишут в учебниках...

– А как часто эрлики крутят кино?

– Я уже говорил. На форумах пишут, что почти каждое утро. Раньше такого не было.

Местные шаманы, из тех, что еще не спились, треплются насчет конца света.

– Сейчас все об этом треплются...

Даша отодвинула блюдо с фруктами. Есть ей расхотелось. Лоренц преувеличенно внимательно изучал содержимое меню в планшете.

– Мало информации о Змеином озере. Возможно, мы окажемся первыми, кто расскажет о нем миру.

– И как туда добраться? – Даша говорила небрежно. Мол, тему поддержать.

– Прямой перелет до Абакана, дальше на поезде.

– Не так уж далеко...

– И еще немного на джипе по тайге.

– Немного?

– Сушие пустыки! Часов этак пять! – Он улыбался, демон-искуситель!

– Если твои эрлики не покажут кино, я вывихну тебе руку, Лоренц! – пообещала девушка.

Михаил рассмеялся. Он узнавал азартную подругу.

– Это значит – бронировать билеты?

– Попытай счастья.

– Уже...

– На какое число? – Даша ощутила, что у нее горят щеки. Последний раз она испытывала подобное замешательство, придавленная массивным торсом сэнсэя Стрельникова. И Мишке вовсе не обязательно об этом знать. Маленькие женские тайны.

– На завтра. Шесть утра, – покаянно вздохнул мужчина.

– Так что мы сидим?! Пакуй чемоданы, технарь!

Перелет прошел без приключений. Лоренц без умолку травил анекдоты, а когда запас красноречия иссяк, включил знаменитую комедию на планшете. На небольшом экране пел и танцевал Андрей Миронов. «Остров невезения». Старые советские фильмы можно смотреть до бесконечности, не надоедает, но Даша была рассеянна. Облик лысого мужчины с модной серьгой в ухе не шел из памяти. Таких красавцев сейчас именуют брутальными героями. Память подбрасывала одного за другим персонажа, как шулер крапленые карты. Вспомнить не получалось, девушка раздраженно барабанила пальцами по подлокотнику кресла. Моргнуло табло, аэробус начал снижение. Внизу простирался однообразный пейзаж – приземистые голые сопки.

– Не похоже на тайгу... – сказала девушка.

– Тайга начинается внезапно! – изрек Лоренц, и она не удержалась от улыбки.

Абакан встретил гостей хмурой весенней моросью и пронизывающим ветром. Такси домчало гостей до железнодорожной станции за двадцать минут. Городок был маленький, аккуратный, утопающий в зелени.

– У тебя здесь сохранились родственники? – спросила Даша.

– Они дальше, в Минусинске. Километров сто двадцать отсюда. Если будет желание, заскочим на обратном пути.

Сказывались немецкие корни. Пунктуальный Миша рассчитал маршрут до мельчайших деталей. Они прибыли на перрон перед самым отправлением поезда. За окном мелькали все те же унылые сопки, природа Хакасии оказалась совсем не такой, как себе представляла Даша.

– А где же лес, медведи? – разочарованно протянула она, глядя на унылый пейзаж.

– Скоро все будет! – пообещал Лоренц.

Она задремала под умиротворяющий перестук колес, сказывался недосып, перелет и волнение перед предстоящей поездкой. Ей приснился Стрельников. Тренер держал девичью руку в своих больших ладонях и ласково говорил:

– Будь осторожна, Родченко! Ты находишься в опасности!

– О какой опасности вы говорите, Павел Матвеевич? Здесь и хищников нет...

Она проснулась как от толчка. Пейзаж за окном изменился. Их окружала громада леса, могущественная, опасная. Высокие деревья угрожающе склонились над маленьким поездом, казалось, пушистые ветви елей готовы прильнуть к окну.

– Вот это да! – вырвалось у девушки восклицание.

Тайга поражала величием, мощью и неподвластной человеческому разуму природной жестокостью. Первозданная сила природы в своем нагом убранстве обрушивалась на человека властно, подминая сознание цивилизованного городского жителя. Так медведь ломает хребет оленя.

– Скоро приедем! – Лоренц потянулся за рюкзаком.

* * *

Румяная проводница пожелала московским гостям доброго пути.

– Мы из Питера! – улыбнулся Лоренц.

Женщина пожалала плечами и скрылась в тамбуре. Быстро темнело. Неразговорчивый таксист привез их в гостиницу, помог выгрузить багаж.

– Не подскажешь, где лучше взять джип напрокат?

– В центре...

– Это далеко отсюда? – допытывался Лоренц.

– Рядом. В Минусинске все рядом. Не Москва, чай!

– Мы из Петербурга.

– Какая разница? – Он равнодушно принял деньги и укатил, обдав туристов парами выхлопных газов.

Путники зашли в холл, за административной стойкой дремала миловидная женщина. Завидя посетителей, она растерянно заморгала глазами. Потребовалось десять минут и истинно немецкое терпение Лоренца, чтобы совместными усилиями обнаружить забронированный номер. На расспросы насчет проката джипа портье отреагировала вопросом на вопрос:

– А зачем вам это понадобилось?

– Хотим съездить на Змеиное озеро.

– Зачем?

– Это не ваше дело!

– Сходите в краеведческий музей. Там сохранился бивень мамонта и есть другие интересные штуки.

– Нет, спасибо. Так что насчет проката машин?

– Все-таки хотите на Змеиное озеро?

– Хотим. У вас есть местный справочник?

Лоренц листал интернет-странички, но телефоны или молчали, или хрипел автоответчик. Местные провайдеры работали из рук вон плохо, а скорость wi fi была безнадежно чахлой. «Сибирь Телеком» агонизировал, как смертельно больной. Ничего не оставалось делать, как опрашивать аборигенов.

Женщина неожиданно рассмеялась:

– Тоже мне секрет! Все хотят духов найти в этом озере. Хотите знать, что я думаю? Это все устроили американцы и ихние спутники.

– Что именно устроили?!

– Галлюцинации! Они нас слепят лучами!

– Так что начет джипа?

– Все-таки поедете... – Она неодобрительно закусила губу.

– Поедем!

– Тогда вам Петрович нужен!

– Какой Петрович?!

– Кузнец. Кузнец из Надыма.

– На кой черт мне кузнец?! – начал закипать уравновешенный Лоренц. – Я не лошадь!

Мне джип нужен!

– Без Петровича не доберетесь! – категорично отрезала портье, демонстрируя истинное сибирское упрямство. – Там сплошные болота, заводи, и машину погубите, и сами пропадете почем зря!

– А где найти Петровича? – вступила в беседу Даша.

– Он сейчас на зоне! – радостно сообщила женщина.

– Надолго?

– Наутро позвоните. Он сутками дежурит. – Она быстро начертала телефон таинственного Петровича на клочке бумаге, удивилась нежеланию гостей купить водки на сон грядущий, дала ключи и потеряла к постояльцам всякий интерес.

Молодые люди ввалились в номер, наскоро перекусили таежными дарами, купленными на вокзале в качестве бутербродов с бужениной, и завалились спать.

Глава 2

Змеиное озеро

Пронзительный телефонный звонок разбудил туристов. Сказывались смена часовых поясов, усталость после долгой дороги. Лоренц таращился на казенный аппарат, силясь понять, какому идиоту пришло в голову будить гостей в чужом провинциальном городе. Телефон не умолкал. Ничего не оставалось делать, как взять трубку.

– Алло...

– Сколько заплатите? – На том конце провода вещал осипший мужской голос. Словно простуженный волк заговорил.

– За что?!

– Я отвезу вас к Змеиному озеру и обратно. Там у вас день. Ежели пошевелитесь, к расцвету будем. Сколько заплатите?

– Это Петрович... – не открывая глаз, пробормотала Даша. – Нравы у твоих земляков, Мишутка, оставляют желать лучшего!

– Мы своим ходом думали поехать...

– Не доберетесь, сгибнете в тайге. Воля ваша. Пока!

– Стойте! – Лоренц судорожно тер глаза кулаками. – А сколько стоит ваша услуга?

– Услуга... – ухмыльнулся голос. – Ты че, девку покупаешь? Почитай, шесть часов ходу в оба конца, ежели, конечно, назад вернетесь. Бензин, там еще день, хавчик... Пятьсот!

– Чего пятьсот?!

– Ты че, тупой москвич?! Юаней, что ли?! На Руси живем пока что... Рубчиков пятьсот! Договорились?

– Договорились. А когда в путь?

– Через двадцать минут буду у вас. Отбой!

Михаил положил трубку, нацепил очки.

– У нас двадцать минут на сборы...

– Уже поняла! – Даша рывком поднялась на кровати, метнулась в душ, на ходу подбирая предметы туалета. Раздался шум воды, веселые матерщинки. – В этом дремучем краю не ведают, что существует горячее водоснабжение! – Звонкий голос разносился эхом в гулкой ванной комнате.

– Тебе весело... – пробурчал Лоренц. – А Петрович сомневается, что мы вернемся назад. И цена несуразная – пятьсот рублей! В Питере за такие деньги можно купить шаверму и пива!

– Это в Питере, милый! – Она выскочила, обмотавшись полотенцем, чмокнула любовника в щеку. – Руки в ноги, поехали эрликов ловить!

Петрович оказался аутентичен своему голосу, хотя психологи утверждают, что такие совпадения случаются редко. Мшистый, небритый, угловатый, как лесной валун, такой же серый и массивный мужик лет сорока с хвостиком. Он стоял, облокотившись на бампер старенького «УАЗ-Патриота», и вел фривольную беседу с женщиной-портье. Сибирский пикап в исполнении аборигенов выглядел необычно.

– К пятнице сменюсь, заеду. Лады?

– Меня не будет! – кокетливо смеялась женщина.

– Мне по хрену. Все одно заеду!

– Тут один ходит, свиданку предлагает. Что скажешь, Степа?

– В пятницу все скажу. И лося твоему рога обломаю. Лады?

Он заметил клиентов, распахнул заднюю дверцу машины:

– Кидай шмотки!

Лоренц загрузил палатку, походный рюкзак, проводник скользнул равнодушным взглядом по багажу:

– Палатку напрасно взяли!

– Почему?

– Гнус зажрет! Весной его тьма-тьмушая на болотах. – Он поднял голову на небо. Искрящиеся звезды усыпали черный купол. – К рассвету доберемся!

Взревел мотор, Петрович высунулся в окошко, махнул рукой:

– До пятницы!

Даша подмигнула Лоренцу, экзотическое путешествие нравилось ей все больше. Молодые люди подпрыгивали на ухабах, водитель не шадил рессоры, мчался не выбирая пути, дорожное покрытие в сибирском городке словно трактора взрыхлили. Асфальт закончился неожиданно, впереди темной громадой маячил лесной массив.

Узкая полоса проселочной дороги вонзалась в чащу, как охотничий кинжал в тушу убитого зверя. В желтом свете фар роились стаями мотыльки, промелькнула и скрылась в листве крохотная тень, заяц петлял по неведомым тропам. Воздух пах древесной корой, зеленью и стоячей водой, справа по движению начинались болота, возникали небольшие озерца, затянутые изумрудной ряской. Вышла полная луна, посеребрив лохматые ветви деревьев. Даша прильнула к окну, сонливость как рукой сняло. Какая к дьяволу Анталия? Красотища несусветная сокрыта в дремучем таежном ландшафте!

– Жуть до чего здорово! – воскликнула девушка.

– Так точно, – кивнул Петрович. – В Москве одни дома и камни. Там и люди такие же каменные...

– Мы приехали из Петербурга, – устало повторил Лоренц.

– Один хрен... А на кой ляд вам нужно Змеиное озеро?

– Говорят, там по утрам бывают таинственные миражи, – осторожно сказал Михаил.

– Люди много чего брешут!

– А вы сами видели?

– Что видел?

– Мираж, визуальные картинки над озером.

– Нашли дурака! – рассмеялся Петрович. – Я еще пожить хочу!

– Вы думаете, это опасно? – спросила Даша.

УАЗ замедлил ход, водитель осторожно повернул руль, рыская носом, как старый вепрь, внедорожник въехал под сень деревьев и, надсадно рыча, продвигался по бездорожью. Справа и слева темнели черные пятна трясины, колеса вязли в густой глине.

– Пес его знает... – Мужчина опустил ветровое стекло, внимательно вглядывался в темную полосу размокшей дороги.

Наконец джип миновал опасный участок пути, выехал на утрамбованную трассу и весело покатил вдоль вырубленной просеки. Даша решила, что тема исчерпана, но неожиданно проводник заговорил:

– Жалко мне вас... Дурные, молодые, пороху не нюхавшие. Одно слово, москвичи! Ездят сюда многие, чуда им подавай! А как его использовать, не знают. Оттого и места себе не находят. Живи, радуйся, детишек рожай! Мало! Чуда хотят!

Лоренца утомила беседа с проводником-философом.

– Вы так и не ответили на вопрос! Видели мираж?!

– Ты, малой, как кочет на допросе! – добродушно засмеялся Петрович. – Видел, не видел! Кабы видел, здесь бы не сидел! – отрезал он, давая понять, что разговор закончен.

В свете луны маячила очередная пойма, глубже и опаснее предыдущей. УАЗ погрузился почти по борта в грязную воду, мотор надсадно рычал, из-под колес вылетали комья грязи,

шофер, отчаянно матерясь, крутил баранку. Женщина в гостинице говорила сухую правду. Самостоятельно они не имели шансов добраться до заветной цели. Петрович боролся с топью почти четверть часа, наконец протектор коснулся твердой почвы, машина выскочила из плена болот.

Даша размышляла над словами проводника, предчувствие опасности будоражило кровь. Если даже эрки не покажут им кино, оно того стоило! Звезды медленно таяли, восток искрился сиреневой талью. Неподвижный воздух всколыхнулся, легкий сквозняк тронул листву. Джип въехал под полог высоких корабельных сосен, переваливаясь на могучих корнях, уверенно продвигался через лесную чащу. Промеж стволов блеснуло серебром. Петрович буквально протиснул массивный корпус внедорожника среди двух сосен и остановился.

– Дальше не проехать, топь везде.

– А как мы доберемся?

– Не тушуйся, москвич! Здесь со всех сторон болота, только с востока пройти можно. Чуть левее возьмешь – увязнешь, никакой экскаватор не пройдет. Пешком здесь сухо, держитесь просеки. Метров пятьсот отсюда будет. Давай пятьсот, малой!

Михаил выгрузил поклажу на траву, протянул купюру.

– Вы нас будете здесь ждать?

– Ежели к закату не вернетесь, уеду! – Петрович достал пачку «Беломора», ударом ногтя выбил папиросу.

– Почему вы думаете, что мы не вернемся? – Даша одарила сибиряка улыбкой. По рейтингу мадмуазель Родченко, девять баллов из десяти возможных.

– Почему мне знать? – Он чиркнул старенькой зажигалкой, едкий табачный дым осквернил прелесть лесного утра. – Я не шаман, это они все наперед знают!

– Мы услышали вас! – ледяным тоном ответил Михаил, продел руки в лямки рюкзака, подхватил компактную палатку.

– До свидания! – кивнула Даша.

– Слышь, мамзель! – окликнул девушку проводник. Он кинул выдавленный наполовину тюбик. – Возьми это. Солнце встанет, припечет, гнус зажалит. Проверенное средство...

– А вам?

– У меня еще есть. И вот еще хотел сказать... Лучше бы вам там не купаться!

– Запрещено? – Она хихикнула.

– Разное люди брешут...

– Спасибо! К вечеру вернемся...

Путешественники резво шагали по траве, покрытой утренней росой. Медные блики позолотили верхушки сосен, робко запели птицы. Воздух казался свежим, густым, прохладным, его можно было пить стаканами, как игристое вино. Рыжая белочка спрыгнула с дерева и безбоязненно уставилась на чужаков. Внушительный силуэт джипа скрылся из виду, впереди раскинулось овальное, идеально ровной формы озеро. Солнечные лучи тронули зеркальную гладь, к воде льнули тонкие ветви плакучей ивы. Действительно, к озеру вела узкая тропа твердой почвы, с обеих сторон простиралась непроходимая трясина. Вопреки мрачным прогнозам Петровича, гнус не беспокоил путешественников, а тихие воды волшебного озера манили к себе. Хотелось разорвать это безмятежное покрывало, нырнуть с разбега в покойные воды. Даша поймала на себе взгляд любовника.

– Ты думаешь о том же, что и я?

– Наш проводник не советовал здесь купаться...

– Правила нужны для того, чтобы их нарушать!

Девушка рывком скинула сумку, высвободилась из пропахшей потом куртки, стянула через голову свитер. Михаил топтался на одной ноге, высвобождая ступню из плена джинсов.

Увлеченные обоюдным стриптизом, молодые люди не заметили, как над водой образовался вязкий голубой туман. Отчего стало очень тихо, умолкли птицы, стих ветер. Даша разделась донага, солнечные блики играли на бедрах, насыщая кожу розовым свечением. Она шагнула в воду, пальцы ног коснулись мягкого дна, мурашки покрыли шею и грудь. Вода была густой, тяжелой, дурманила голову, как хмель. Лоренц освободился от одежды, аккуратно положил на сумку очки. Вода приняла девичье тело в свои объятия, она плыла медленно, не поднимая брызг, боясь нарушить первозданную тишину дикой природы.

– Даша... – Михаил застыл на берегу, голый, напуганный. Его взгляд был прикован к центру озера. Туман клубился вокруг еле видимой воронки, сизые хлопья затягивала в водоворот невидимая сила. – Даша, срочно вернись на берег!

В ответ раздался задорный смех. Туман искажал звуки, поглощал молекулы, словно хищное животное пожирает добычу.

– Ты не умеешь плавать, милый? Или стесняешься?

– Оно... – Мужчина поперхнулся, закашлялся. – Оно начинается!

Воронка ускорила вращение, в центре возникла объемная картина. Ничего похожего на видео из планшета. Ни один фильм в сверхсовременном формате не мог передать зрелище в столь осязаемом формате. Частица чужого мира, воссозданная злой волей таинственных духов, обитателей озера, воплощалась в реальности. Из тумана выплыли очертания улиц города, бульжная мостовая дрожала от топота копыт. Похоже на Таврическую улицу. Прямо из облака тумана вылетела двуколка, всхрапнули запряженные кони, осели под ударами кнута. По улице бежал мальчишка-беспризорник, он держал за хвост дохлую крысу. Возле перекрестка дежурил полицейский – почти такой, как изображали в учебниках истории. Однако различия были очевидны. Вместо револьвера у него на боку висела палица, за спиной арбалет и колчан со стрелами наперевес. Лоренц увидел, как лоскут тумана касается рукавом плеча плывущей девушки. Нежно, словно желая приласкать. Даша хохотала, будто Ундина, дразнящая доблестного рыцаря Лоуренса.

– Ныряй, Мишка! Не пожалеешь!

Туман полностью ее скрыл. Из сердцевины воронки донеслось злое урчание. Отчетливо стала видна фигура мужчины. Лысый череп сверкал в лучах восходящего солнца. Он держал на поводке огромного бультерьера. У пса на груди висела золотая сбруя, как нагрудный планшет средневекового рыцаря. Бультерьер оскалил пасть, мужчина протянул руку к девушке, длинный ноготь на мизинце напоминал коготь хищной птицы.

– Даша!!! – Михаил вбежал в воду, чувствуя предательскую дрожь в коленях. В сознании пронеслись обрывки фраз, подчерпнутые из Интернета. Он нарочно утаил часть информации от подруги.

Зловещую репутацию Змеиное озеро приобрело с тех пор, как там стали бесследно исчезать туристы...

– Даша!

Вода закипела, бурлящая воронка засасывала крупы тумана. Приглушенный рев прокатился над озером, и спустя мгновение все стихло. Рябь пробежала по воде, задрожала прибрежная трава. Туман рассеялся, обнажив спокойную гладь лесного озера. Картинка исчезла столь же неожиданно, как и появилась.

Видения появляются в предрассветные часы, их можно наблюдать в течение нескольких минут...

Размашистыми саженками Лоренц доплыл до середины, нырнул глубоко, как только мог, пока звонкие молоточки не стали барабанить в висках. Вынырнул на поверхность, отдышался, нырнул вторично. Он нырял до тех пор, пока руки и ноги не налились свинцом и неумолимая тяжесть начала тянуть ко дну. Из последних сил он выбрался на берег, упал навзничь и разрыдался.

Солнце нагрело землю, обещанный Петровичем гнус роился над добычей. Михаил отбивался от назойливых насекомых, еще дважды предпринимал попытку нырять, потом оделся и, едва передвигая ноги, пошел к условленному месту встречи с проводником.

Глава 3

Побег

Середина последнего месяца весны в Сибири выдалась на удивление жаркой. Природа спешила, пытаясь сбросить ледяные оковы студеной зимы, отметка на градуснике застыла на цифре 23 градуса. И хотя в тенистых участках таежного леса, не тронутых вырубкой, кое-где зрели серые пятна ноздреватого снега, солнце прогревало землю щедро, будто на календаре значилось не шестнадцатое мая, а добрая середина июля, «верхушка лета», как принято говорить в здешних краях.

На окраине рабочей зоны шумела под порывами ветра высокая трава. А в сотне метров начиналась тайга. На десятки километров вокруг – почти ни души, только редкие заимки лесников да становища браконьеров.

Обычно по воскресеньям переключка не занимала много времени – офицеры спешили по домам. В полутора десятках километров от рабочей зоны нес прозрачные воды Енисей. Много выше, в предгорьях Хакасии, река изобиловала порогами, водоворотами, вода не прогревалась даже к началу августа, а в здешних местах раскинулся чудесный песчаный пляж. На мелководье резвилась ребягня, рыбалка выше всяких похвал.

Прапорщик Евтушенко любил хвастать, что позапрошлым летом выудил щуку весом аж в двенадцать килограммов. Причем вес и размеры гигантской рыбины увеличивались с длительностью срока, минувшего со дня волшебного улова. Волнующий аромат шашлыков, коптящихся над раскаленными угольями, стылый вкус запотевшей водочки и новенькие рыболовные снасти вынуждали охранника вести переключку быстрее обычного.

– Семенов!

– Здесь!

– Вартанян!

– Здесь! – Художник-армянин отвечал тихо, с чувством собственного достоинства. И черная роба на нем – ладная, будто по заказу шитая. Выбрит гладко, но к вечеру на скулах выступала синяя щетина.

– Ройзман!

– Присутствует, ваше высочордие! – Хриплый фальцет. Будто не человек говорит, а заводная кукла. Раздались негромкие смешки. Сеня Ройзман – старший шнырь из пятого отряда. Балагур и весельчак, он радостно скалился, тараща бойкие цыганские очи.

Евтушенко оторвался от журнала, вострые глаза впелись в ряды зэков.

– Схлопочешь у меня! – Он погрозил костистым кулаком.

В другое время Ройзман получил бы после переключки пару добрых тумачков, нарушение формы переключки на БУР не тянет, и в глубине души охранники симпатизировали улыбчивому парню. Бывший актер, нынче тянул третий срок. Специализировался на мошеннических авантюрах. Ходили слухи, что львиную долю его активов так и не удалось вскрыть. Через полгода Сеня освобождается, и ищи его на том берегу океана или в земле обетованной!

Прапорщику не терпелось как можно быстрее покинуть расположение рабочей зоны, усидеть в старенькую «ниву» жену, двух сыновей, оболтусов-переростков, и оказаться на берегу реки.

– Петровский Андрей!

– Здесь!

– Петровский Семен!

– Здесь! – Голоса близнецов трудно различить, хотя внешне они совсем не похожи. Будто не двойняшки, а братья-погодки.

– Добро...

Перед мысленным взором прапорщика объявилась тихая заводь, черная неподвижная гладь воды, его охватило сильное возбуждение, пальцы рук затряслись. Кураж, так хорошо знакомый заядлым рыбакам, который возникает всякий раз, когда натягивается тугая леска, звенит колокольчик, гнется упругое удилице и сквозь хрустальные брызги прозрачной воды на поверхности появляется рыбина! Щука! А то еще лучше налим! Капитан Бураков в позапрошлом году выудил трех налимов подряд. Самый маленький на три кило, не меньше! Евтушенко отвлекся на несколько секунд, но этого оказалось достаточным, чтобы три темные фигуры отбежали в сторону наспех сколоченных бараков и затаились под навесом.

– Абуладзе!

– Здесь!

– Чуйков!

– Здесь!

– Стрельников!

– Здесь, гражданин начальник! – Сонный голос, с ленцой и растяжкой. Так говорят на юге России. Старшина третьего отряда Павел Стрельников. Третий мужик, кряжистый, казенная роба обтягивала литые плечи, широко поставленные серые глаза человека, привыкшего командовать. Бывший офицер, змеистый шрам рассекал надвое подбородок. Непростой человек, замысловатая история его судимости.

...На него было совершено два покушения. Одно в пересыльной тюрьме под Екатеринбургом, другое по соседству, в Красноярске. Приезжал дознаватель из Москвы, ушел злой, нервный, как все москвичи, даже кабанину не отведал.

– Ваш Стрельников любит опасность! – проворчал москвич. – Если его прикончат, я умываю руки!

За ним следом бежал подполковник Зубов, начальник зоны, пытался уговорить остаться на ужин, но тщетно. Дежурный говорил, что хозяин – так в Сибири именуют начальника – трижды звонил в Москву, вышел из кабинета красный, распаренный, как после бани. Он вызвал к себе Стрельникова, заперся в кабинете на два часа. О чем они там беседовали, только шаманам ведомо.

РЧ-126 считалась «красной» зоной, как это говорили в эпоху социализма, а на воровском жаргоне «сучьей». Здесь правил актив. Редкий случай – в выходной день старшина вышел на переключку. Обыкновенно он сам заходил в дежурную часть и отмечался. Леший с ним! Шашлыки, водка и рыбалка!

Евтушенко закрыл журнал, напомнил о раздаче нарядов на работу. Хоть воскресенье и считалось выходным днем, многие ээки предпочитали отправиться на лесосеку. За это полагалась двойная оплата, деньги исправно поступали на счет заключенных, которые можно было снять по освобождению. РЧ-126 являлась образцовой зоной, за несколько лет отсидки хозяйственные мужики уносили на волю до полумиллиона рублей. Многие искренне полагали, что деньги помогут им начать новую жизнь. Так иногда случалось, но чаще, промотав лихие гроши, бывший ээк принимался за старое. Исключение составляли «случайные пассажиры», как называли заключенных, угодивших за решетку по недоразумению, или опущенные. Те страшились посадки как черт ладана!

Прапорщик покидал расположение рабочей зоны едва ли не бегом. Образ тихой воды, усыпанной золотыми блестками солнечных лучей, вкус замаринованного мяса заставили его отбивать звонкую дробь по гравиевой дорожке. Он миновал пропускник, махнул рукой дежурному офицеру... Прыгнул в салон «нивы», повернул ключ в замке зажигания, мотор преданно заурчал. И прежде чем выжать педаль сцепления, отчетливо вспомнил строй ээков. Серые и черные роботы, стриженные головы, колючие волчьи взгляды хищников в неволе. Однако нечто неуловимое выглядело не так, как обычно. Три ряда мужчин, молодые, старые, худые, крепкие.

Они так похожи и такие разные. В европейских зонах заключенные ходят в своей одежде, но Сибирь-матушка консервативна. Коли положена казенная одежда, будь добр – носи! В БУР места достаточно. Серые робы – низшая каста – мужики, пашущие в две смены без роздыха, как загнанные лошади, рядовые шныри, чушки, уборщики. Черная роба – воры, актив, бойцы.

Прапорщик хлопнул ладонью по рулю, тихо выругался. Точно! Когда он уходил, в строю образовалась брешь. Трое заключенных из второго отряда сбежали во время переклички! Вопрос – зачем? Следовало обождать десять минут, и все разойдутся по отрядам! Чай варить, телевизор смотреть. Старшины распределяют наряды, и мужиков вывезут в тайгу на работы. Для сучкорубов дело найдется. Евтушенко работал в системе лагерей почти двадцать лет, на его памяти с рабочих зон было три попытки побега. И всякий раз – на выезде. Опытные уголовники редко совершали побег с рабочей зоны. Рвали в бега опущенные или те, кто в карты проигрался. Зазевался часовой, урки брызнули в кусты, и спустя пять минут без собак беглецов не сыщешь. Лес – черный, как стена стоит, на пару сотен метров вглубь отойти, и за плотной листвой солнца не видать. Это вначале, опьяненные воздухом свободы, эки радостно бегут куда глаза глядят, радуясь, что обвели вокруг пальца охранников. Обычно на исходе вторых суток беглецы сами ждут, пока их найдут. Истерзанные гнусом, голодные, запуганные.

– Ерунда! – желая себя подбодрить, вслух сказал прапорщик. – Ну, сдернули с переклички, что такого?!

Евтушенко хотел было вернуться назад, доложить о нарушении, но передумал. На дежурство заступил желчный капитан Скурлов, вредный сплетник. Он обязательно разнесет дурную весть! Обойдется! «Нива» развернулась на узкой дороге и покатила по направлению к баракам, где обосновались охранники и вольнонаемные рабочие. Все помыслы прапорщика были сосредоточены на предстоящей рыбалке. Сегодня он обязательно поймает налима. Он уверен. У него доброе предчувствие.

– Сколько можно так сидеть?! Ноги затекли!

– Терпи, Степа! Шума дашь – цырики шмалять станут. А шмаляют они по ногам, понял?! Пробьют коленку, весь оставшийся срок будешь на одной лапте скакать!

Кощей негромко и зло засмеялся. Человек, которого звали Степа, не улыбнулся. Он пытался размять онемевшие пальцы ног. Сидеть на четвереньках. Тесный тамбур между фургоном полицейской машины и боковой дверью не предназначался для перевозки людей. Обычно здесь хранилось запасное колесо и прочий нехитрый водительский скарб. Заключенный Ершов, носящий кличку Кощей, и правда напоминал Кощея Бессмертного из детской сказки. Он отличался худобой, выделяющейся даже на фоне остальных заключенных. Скулы его были землистого оттенка, словно казематная пыль навеки въелась под кожу, а глаза прозрачные, как у наркомана на ломке. Он имел доступ в ремонтный отсек. Накануне вечером он разобрал стенку подле водительских дверей, умело закамуфлировал застенок дощатой фанерой, накидал грязной ветоши. Таким образом образовалось помещение высотой метр двадцать и глубиной в два метра. Нечто похожее используют иллюзионисты в своих фокусах. Люди сидели, тесно прижавшись друг к другу, от спертого запаха бензина и машинного масла мутило, но ждать оставалось недолго. После десяти утра машина отправится в жилой квартал, где обосновались охранники и вольнонаемные.

– Что станем делать, если водила залезет в фургон и почует неладное?! – нервничал Кощей.

– Стало быть, судьба у него такая... – широко улыбнулся старшина.

От его слов бывалого эка передернуло. Воры боятся мокрухи. Стрельникову терять нечего, ему сидеть еще двенадцать лет, хотя у Ершова тоже дела не ахти. Проигрался в карты чеченцам. Эти парни умеют взимать долги, в лучшем случае опустят по беспределу.

– Молодого возьмем?

– Тайга весной – место голодное. На кедровых шишках долго не протянешь! – отрезал бугор.

Кощею приходилось слышать про такие случаи. Группа эков, собираясь в побег, брала с собой опущенного эка. Таких несчастных называли «собаками». Когда заканчивался провиант, съедали бедолагу. Ершов тянул четвертый срок, из сорока трех лет своей жизни двенадцать годиков отдал Хозяину. Ему оставалось сидеть полтора года, и хрена лысого он бы вписался в столь рискованное предприятие, кабы не карточный долг!

Стрельникова он поначалу считал за фраера, замашки и речь казались больно учеными. Угадывался столичный житель, хотя гласные растягивает как южанин, базарит чисто, будто диктор новости ведет. Москвич или питерский. Сам Кощей родом из Вятской области, деревня Сущевка, после второй ходки не бывал там ни разу, колесил по Сибири. Абакан, Тайшет, Черногоorsk, Хакасия. Гастролер. Бомбил магазины, торговые палатки...

В тюрьме трудно сохранить секреты, быстро стало известно, что старшина – бывший боевой офицер. Неизвестно по каким причинам этот выдержанный мужик завалил особиста и офицера из спецподразделения. Причем убил их обоими голыми руками! Кощей с сомнением относился к слухам, пока в прошлом году кавказцы не поперли на актив. Он собственными глазами видел, как старшина отключил троих бойцов. Короткие удары, почти незаметные глазу, и парни падали на дощатый пол барака, словно глиняные фигурки! И подполковник Зубов относился к заключенному Стрельникову с уважением. Опасный мужик. Опасный и загадочный. Ершов обладал уникальным чутьем. Он понял, что следует держаться подле старшины, и, когда тот предложил ему дерзкий план побега, согласился не раздумывая. Тем более срок выплаты долга истек, и для чеченца посадить на нож простого урку дело привычное!

– Найди дешевого фраера из местных! – таков был наказ бугра. – Нам нужен проводник.

Долго искать кандидатуру не пришлось. Степа Костенко – недалекий деревенский парень, местный житель, с круглой головой и такими же круглыми, будто удивленными голубыми глазами. Его шея и плечи были усыпаны рыжими веснушками. Степа похвлялся, что якобы знает тайгу как собственные пять пальцев. Сидел по глупости, вторая ходка, и опять по изнасилованию. Его крепко опускали в пересыльной тюрьме, а срока оставалось семь с половиной годиков. Кощей вступился за насильника, чем завоевал вечную дружбу и преданность. Когда последовало предложение уважаемого эка совершить побег, Костенко принял его со щенячьим восторгом. Оставалось дело за молодым. Выбор пал на Константина Малышева. Убийца за рулем. Напился и сбил насмерть молодоженов. Надо было такому случиться, что влюбленные вышли из дверей ЗАГСа и переходили дорогу к припаркованной машине. В протоколе приговора было сохранено описание окровавленной белокурой пряди волос невесты, налипшей на лобовом стекле «мерседеса», и растерзанной в клочья прозрачной фаты. Кличка Малыш намертво прикрепилась к преступнику. Когтями не отдерешь. Он был высокого роста, отлично сложен, такого привлекательного парня и тюремная роба не портила, только вот в серых с землистыми крапинками глазах угадывалось что-то волчье. Уголовники – народец опытный, к первоходку Малышеву, как в зоне именуют бедолаг, впервые угодивших за решетку, не заводились. Когда Малыш протрезвел, то пытался покончить с собой. Зубами вены хотел перегрызть. Странно, что бугор его кандидатуру предложил. Чудной парень в тюрьме будто повредился малость. Пахал по две смены, как все рядовые мужики, а в свободное время отмалчивался, пустыми глазами перед собой смотрел. Вот и сейчас теснота, духота в тесной душегубке, солнце кузов нагрело, пот по лицу струится, а ему хоть бы хны! Сидит на четвереньках и молится, как тот попик. Малыш на предложение рвануть в бега отреагировал равнодушно. Бежать так бежать!

Распахнулась дверь, заслонка из листа фанеры отодвинулась, массивный силуэт Стрельникова заслонил проем.

– Живо двигайтесь! Через пять минут шофер придет!

Заклученные прижались друг к дружке, бугор влез в тамбур, кинул под ноги тяжелый рюкзак, аккуратно установил на место лист фанеры. Двигался он ловко, бесшумно, грязные тряпицы не шелохнулись. Зашуршал гравий, запахнулась водительская дверь, тягостно заняли пружины сиденья. Спустя пару мгновений заурчал мотор, грузовик тронулся с места.

– С богом... – едва слышно прошептал Стрельников.

Шофер переключил передачу, старенький двигатель недовольно фыркнул, машина покатилась быстрее. Кошей закрыл глаза, перед мысленным взором появилась полоса ограждения. Он лучше остальных беглецов знал территорию промышленной зоны. Сейчас грузовик повернет налево и остановится у пропускного пункта. Рабочие зоны в Красноярском крае снабжены простейшей системой охраны, по углам часовые в будках, два ряда колючки, пропускной пункт с раздвижными воротами. Каждое утро эков вывозят в тайгу на лесозаготовки. Стоит охраннику толкнуть доску ногой, она рухнет, явив миру четверых приплюснутых друг к другу, будто шпроты в банке, заключенных. Кошей нервно тер ладони, на лбу выступила холодная испарина. Малыш шевелил губами, все молится, чудак! Степа закусил губу до крови, по подбородку стекла тонкая красная струйка. И только Стрельников равнодушно прикрыл глаза, ни дать ни взять, рабочий человек мирно дремлет в общественном транспорте, ожидая своей остановки!

Грузовик остановился. Хлопнула водительская дверца, через тонкую переборку доносились голоса. Слов не разобрать. Громкий смех, будто ворона каркает, едкий запах дешевого табака донесся с улицы. Распахнулась дверь кузова, Степа вцепился зубами в собственную руку. Старшина положил ему на плечо тяжелую ладонь, прижал указательный палец к губам. Костенко быстро кивнул, словно проверяя на прочность крепость шейных позвонков. Голос дежурного офицера стал слышен отчетливо и ясно:

– Ну и грязница у тебя, Равиль!

– Не мое добро, товарищ капитан! Наверное, сменщик тряпья накидал...

Дверь захлопнулась, теперь веселился водитель Равиль. В отличие от капитана он смеялся тихо, часто, будто чай горячий прихлебывает. Наконец заурчал двигатель, машина неторопливо выкатилась за ворота.

– Твою мать... – Кошей вытер ладонью пот со лба. – Кажись, пронесло... Что дальше будем делать, бугор?

– Молчать и ждать! – Стрельников сладко зевнул, будто очнулся от сна.

Машина бодро неслась по укатанной дороге. Вскоре грузовик сбавил темп, шофер включил пониженную передачу, повернул налево и медленно покотился, переваливаясь на ухабах.

– Пора! – кивнул старшина. Он толкнул лист фанеры, тот с грохотом упал на пол кузова. – Костенко, бери мешок!

Степа послушно подхватил рюкзак, продел руки в лямки. Крепкий деревенский парень, такому не привыкать таскать тяжести. Четверо беглецов выскочили из заточения, с наслаждением разминая затекшие ноги. Рессоры у старенького грузовика оставляли желать лучшего, люди упирались руками в стены, чтобы не упасть. Только Стрельников стоял ровно, как старый морской волк на палубе. Он шагнул к переборке, отделяющей кузов от водительской кабины, и ударил по ней кулаком. Грузовик притормозил. Рука Ершова метнулась в карман робы, пальцы нащупали надраенную добела стальную заточку. Во рту появился медный привкус, зубы выбивали дробь.

– Кто там, мать вашу?! – заорал шофер.

Старшина распахнул дверь, выскочил наружу. Тяжелый запах кузова наполнился ароматом весеннего леса, кричали сороки, неся миру весть о появлении в тайге опасных и безжалостных охотников. В двух метрах стоял коренастый кривоногий мужичок лет сорока. Черные монголоидные глаза смотрели на беглых урок без признаков страха, в руках он сжимал короткий обрез. По закону вольнонаемным запрещалось иметь оружие, но суровая тайга диктует свои условия, и подполковник Зубов закрывал глаза на нарушения подобного рода.

– Ты! – Он навел черное дуло. – Живо на землю, остальные выходят по одному!

– В обрезе два ствола, Рэмбо! – мягко, по-отечески улыбнулся бугор. – Это означает два выстрела без перезарядки. Одного из нас ты замочишь, во второго промажешь. Руки вон дрожат... Что с остальными делать будешь?

– Я сказал, живо ложись на землю! Тебя я первого прикончу, сука! – Губы у шофера дрожали, смуглое лицо посерело, пальцы впились в приклад мертвой хваткой.

Кощей спрыгнул на землю, припал к земле, как лисица на охоте, стальное острие заточки сверкнуло на солнце. Предчувствие кровавой разборки придало ему сил. Он попытался зайти шоферу с тыла, тот на мгновение отвел ствол, и тотчас бугор отбил оружие, коротко ударил ребром ладони по выпирающему кадыку.

Равиль выехал в то утро в неурочный час! Он успел нажать курок, пуля прошла кузов грузовика. На землю осыпалась молодая кора дерева, возмущенно загалдели птицы. Человек опустился на колени, словно намереваясь помолиться, лицо побагровело. Ершов проглотил сухой ком, жажда безнаказанного убийства захватила его сполна. Истинно, в добрый час пересеклись их жизненные пути с бугром! Он подскочил к задыхающемуся шоферу, изготовился нанести смертельный удар заточкой. На обветренных губах садиста блуждала рассеянная ухмылка. Однако то, что случилось в дальнейшем, никак не вписывалось в лубочный формат уголовной романтики. Стрельников перехватил его руку и без видимых усилий нажал болевую точку на запястье. Острая боль пронизала руку, заточка упала в траву, заключенный со стоном рухнул на корточки.

– За что, бугор?! – затряс в воздухе онемевшей кистью несостоявшийся мокрушник.

– Дисциплина – залог успеха любой операции! – назидательным тоном, словно школьный учитель, объяснил Стрельников. – С нынешнего момента все свои действия согласовывать лично со мной. Всем ясно?!

– Так точно! – коротко ответил Малыш.

– Ясно... – тихо пробормотал Степа. Он топтался на месте, не решаясь смотреть в глаза поверженному кумиру.

Старшина повернулся к шоферу, одним движением вправил кадык, человек закашлялся, часто и громко дыша через нос.

– Как тебя зовут, служивый?

– Равиль. Равиль Зигмантуллин!

– Слушай меня внимательно, Равиль. Ты – молодец. Попер на четверых злобных урок. Уважаю. Тебя к полудню найдут, не тушуйся. Дорога неподалеку, развод со смены поедет, ори громче. Гнус пожалит малость, не держи зла. У меня другого выхода нет. Малыш, за руль!

Малышев вскарабкался в кабину, из выхлопной трубы вырвался клуб пахучего дыма; охая и скрипя рессорами, как больной старичок, грузовик преодолел канаву. Ветви деревьев захлестали по кузову. Стрельников связал водителю предплечья, длинный край веревки опутал за ствол. Унизительную процедуру Равиль претерпевал молча, но наконец хрипло произнес:

– Дайте попить!

Старшина достал из кармана куртки фляжку, поднес ко рту шофера. Тот сделал несколько глотков, кивнул, мол, достаточно. Прибежал Малышев и отчеканил по-военному сухо:

– Машину спрятал.

– Вас все равно поймают! – тихо сказал Равиль.

– Надо его прикончить, бугор! – Кощей сверлил взглядом связанного человека. Однажды переступив черту, он жаждал убийства.

Стрельников внимательно посмотрел на зэка, словно исследуя редкое ископаемое.

– Малышев – надежный человек и неплохой водитель. Его не успела искалечить тюрьма. Костенко – местный житель, он знает эти места. Зачем мне нужен ты, Ершов?!

Горячая краска залила лицо и шею уголовника. Он ужасно неуютно чувствовал себя под тяжелым взглядом старшины.

– Я... Я думал, как лучше!

– Врешь, сынок! – усмехнулся бугор. – Убийство доставляет самые сильные ощущения. Никакой кайф с этим не сравнится. Только за кайф придется платить, причем дорогой ценой. – Он отвернулся от Ершова, будто разговаривал не с ним, а размышлял вслух. – Костенко!

– Слушаюсь! – Степа навострил уши, как вышколенный сторожевой пес. Оказавшись в заключении, он довел умение подчиняться до мастерства высочайшего класса. В насильнике мог погибнуть совершенный раб и подхалим. Глядя на бугра, он испытывал приступ щенячьего восторга и упоительной дрожи в груди, знакомой каждому трусу. Про недавнего кумира он и думать позабыл.

– Ты хорошо знаешь эти места?

– Отлично! – гаркнул Костенко. – За чащобой начинаются болота. Сплошная трясина.

– Собаки нас там не учуют. Шагом марш!

Стрельников двинулся вперед, упруго ступая по мшистой почве. Некоторое время люди шли след в след по узкой, едва различимой в листве тропе. Спустя тридцать минут быстрого хода бугор сбавил темп. Сквозь наслоения мха проступала вода, коричневая жижа с отвратительным чавканьем просачивалась наружу при каждом шаге. Местами чернели озерца трясины, бездонная гладь заросла изумрудной ряской. С возмущенным криком взлетел филин. Гордая птица уселась на массивный сук и круглыми желтыми глазами внимательно созерцала диковинных существ.

– Здоровый, черт! – восхищенно крикнул бугор. Похоже, приключение доставляло ему искреннюю радость.

Посреди зарослей находился сухой островок. На травянистой кочке росла молодая березка, черные полосы опоясывали белую талию лесной красавицы. Кошей достал пачку дешевых сигарет, над болотом поплыли сизые круги дыма. Степа как замороженный смотрел на растекающийся в прозрачном воздухе дымок.

– Дай закурить, Кошей!

– Ну ты и лох, Костенко! – ядовито хмыкнул мужчина. – Рвешь в бега и не запасся куревом?!

– Я не подумал... – растерянно заморгал белесыми ресницами насильник.

– А когда шкур деревенских топтал, о чем думал?

– Хорош базарить! – нахмурился Стрельников. Он извлек из кармана пачку сигарет и кинул ее подельнику: – Кури!

– Благодарю... Сердечно благодарю!

– Благодарить потом будешь. Когда выберемся отсюда.

– Нам не пройти болото! – убежденно кивнул Костенко.

– Это почему?!

– Здешние топи только местные лесники знают. Зимой тут лед лежит, по весне трясина шибко жадная. Браконьеры раньше июня сюда ни ногой. К середине июня вода спадает немного. Тогда лесники ставят следи. Это такие палки, тропу в топи обозначают. Окромя лесников в эти болота никто и не ходит. Дичи здесь нет, место гиблое. Топь начинается левее, ближе к лесу. Там дальше озеро будет, и сушь одна.

– Молодец, следопыт! – Старшина одобрительно улыбался. – Быть тебе на следующем сроке вором в законе или старшиной в активе!

Степа зарделся от удовольствия. Он готов был расцеловать эту тяжелую руку со сбитыми костяшками.

– Надобно ступать вдоль лесной просеки. Там топь неглубокая, едва ли по пояс будет. Расстояние, стало быть, увеличится шагов на пятьсот, но зато не утопнем. Дальше выберемся,

там Змеиное озеро. Ходят слухи, мол, в нем черти водятся. Пару лет назад туда туристы ездили, ни один не вернулся! Хакасы говорят, злые духи живут!

– Да ты, брат, прямо Герберт Уэллс!

– Точно говорю! – горячился Степа. – Мужики рассказывали, что лесники свечение видели над болотом, а по ночам картинки появлялись. Ну, как в кино. Но ходить туда боялись, да и топь опять же... Зато дальше сушь начинается и тракт до Минусинска.

– Если встретим зеленых человечков, передадим привет от Зубова. Курс на волшебное озеро. Перекур закончен. Первым идет Костенко, я – замыкающий. Вперед!

Выстроились гуськом, Ершову пришлось нести тяжелый рюкзак, перед ним шагал Малышев. Степа подобрал длинную палку и двинулся вперед, старательно обходя маслянистые пятна черной трясины. Длинная слега в его руках балансировала, упираясь в вязкое дно. Угрюмое лицо зэка светилось от радости. Впервые в своей уголовной практике он находился в центре внимания. Конечно, ему показалось, что старшина нарочито скомкал ключевую часть повествования, про инопланетян и волшебное свечение атмосферы, но опыт научил многострадального уголовника не торопить события. Шибко бьют выскочек, как гласит тюремная мудрость.

Хозяин здешних мест, могучий филин проводил странную процессию пристальным взглядом. Круглые желтые глаза, окруженные черным кантом, лучше видели ночью, чем днем. Мудрой птице были непонятны намерения пришельцев, но инстинкт подсказывал, что лучше держаться от них подальше. Память пернатого хищника избирательна, большинство событий она отсеивает как ненужные и выбрасывает их прочь. У филина нет врагов на болоте. Здесь не водятся лисицы и еноты. Ему некого бояться, это он вызывает страх у лягушек, ужей и водяных крыс. Среди зарослей травы мелькнула серая спина ондатры – филин насторожился. Пернатый хищник предпочитал охотиться по ночам, но грех не воспользоваться легкой добычей. Он взмахнул широкими крыльями и в считанные мгновения накрыл жертву. Нерасторопный зверек слишком поздно заметил угрозу. Он попытался скрыться среди узловатых корней высушенного дерева, но острые когти безжалостно вонзились в спину. Филин неспешно покидал место охоты, неся в когтях сладкую добычу. Он вспомнил про людей, когда насытился, но к тому моменту они уже ушли далеко. Филин негодуя ухнул, уютно сложил крылья, удобно разместившись на обломке мертвого дерева, погрузился в дрему. До наступления ночи оставалось много времени.

Глава 4

Новая эра

Вывеска над рестораном горела расплавленной медью. «Карамболь». Не каждому придет в голову такое экзотическое название. Распахнулись стеклянные двери ресторана, пахло тушенными в вине рябчиками, печеными расстегаями и табаком. Возбужденно смеялась женщина, оркестр играл хит сезона – попури на восточные композиции. Пронырливый швейцар угодливо застыл в полупоклоне, в сложенную ладошку упали золотые монеты.

– Милость дающему!¹ Здоровьяца вам крепчайшего и супруге почтения! – частил он скороговоркой.

Наружу вышел сытый, краснощекий мужик. Его округлый животик распирали жилет, будто там арбуз спрятан, массивная цепочка от часов ныряла в специальный кармашек. Камзол нарядный, шитый золотой нитью. На груди купца сверкал орден Войны второй степени. Россыпь алмазов, на серебряной основе – в центре, под арабской цифрой 2, багровел круглый рубин.

Редкая огранка, кабошон называется, отметил швейцар, наметанным глазом изучая посетителя. Такую игрушку на черном рынке не купишь, по всему видать, настоящий орден! Если и грамота на драгоценность имеется – серьезный господин, надо бы проявить уважение, хоть сыплет дешевое золото, словно роскошью одаривает! Явно провинциальный фабрикант. Приезжие не сразу ориентируются в ситуации, им время нужно. Сколотил состояние на работоргове или же подвизался на поставках опия-сырца из Турции. Деньги дарят ощущение свободы, вот и гуляет купчик на всю катушку! В военные времена предприимчивые дельцы обогащались непомерно.

– У вас отменное заведение! – благосклонно кивнул посетитель.

– Милость за слово, господин!

– Герр Траубе бывает у вас, милейший? – как бы невзначай задал вопрос посетитель.

– Нечасто! – Швейцар скорчил сочувственную мину, дескать, ждем не дождемся, пока этот распутник и скандалист посетит наше почтенное заведение. А вслух сказал: – Но всегда ему рады, всегда! Такой почтенный господин, крепости здравую его, милость дому! А его кошечки – одно умиление!

Швейцар лукавил. Он боялся герра Траубе. Вся столица знала чокнутого немца. Он повсюду таскался с двумя здоровенными откормленными мутантами. По слухам, привез животных из Мавритании, где на его личных плантациях выращивали лучший опий. Зверюги были отдаленно похожи на котов. Чудовища размером с собаку, раскосые глаза излучали дикую ярость.

Сплетники болтали, что немчин кормит любимцев адской смесью из гашиша, опия и азиатской марихуаны. Напившись, Траубе пускал котиков «погулять» по ресторану. Животные кидались на посетителей, как демоны, дамочки поднимали визг, а их кавалеры пытались отбиться от хищников при помощи подручных средств. Карлос Траубе имел колоссальные полномочия. Одно его слово могло возвысить до небес или же низвергнуть неудачника на самое дно. А там – добро пожаловать в жалкие лачуги смердов², а то и в казематы Крестов упекут! Досушие трепачи утверждали, что он – троян, но доказательств слухам не было. По наблюдению опытного швейцара, трояны не упиваются и девок гулящих не жалуют.

– У меня к вам просьба, милейший! – Купец замаялся, не решаясь сказать.

¹ Милость дающему! – проявление благодарности, симпатии, расположения.

² Смерд – бездомный.

Швейцар заговорщически подмигнул:

– Желаете девочку в постель? Или мальчугана? Ничего невозможного! И строжайший секрет!

– Тьфу на вас! Какие девочки?! Дело совсем иного рода. Если герр Траубе будет у вас обедать, дайте мне знать! Услуги посыльного оплачу вдвое! Вот моя визитка...

– Обязательно! Милость дому! Непременно! – не говорил, а лаял швейцар.

– Слово негоцианта?

– Слово, мой господин! Честнейшее слово!

Подъехал экипаж – обычная пролетка, запряженная лошадкой. Ни тебе именных знаков на карете, ни личного вензеля. Купец с трудом забрался вовнутрь, колеса звонко застучали по мостовой.

– Езжай, шалава песья! – процедил сквозь зубы швейцар. Он небрежно сунул золото в карман камзола, а визитку выкинул не читая. Таких умников пруд пруди! Посыльного он оплатит! За подобную услугу нужен специальный подход, а не жалкие полсотни марок! Жертвует золото, словно добродетель, кнут ему в дышло!

С начала войны дважды менялся курс неустойчивой валюты, в зависимости от ситуации на фронтах. Нынче в цене шотландский фунт, а завтра, глядишь, пойдет в гору португальская лира. За серьезные услуги надлежит получать настоящее вознаграждение! Скромный слиток серебра подойдет.

Он скрылся за дверьми ресторана и направился в свою каптерку. Пора было передохнуть. Скоро придут важные персоны. «Карамболь» – место элитное, случайному люду ход заказан. Промышленник не в счет. Классический загулявший купчик, каких пруд пруди на улицах города. В Галиции гибнут солдаты, рвутся паровые бомбы большой мощности, огнеметы сжигают поселки, а здесь, в благополучном Петрополисе, наживаются как на дрожжах умелые негоцианты. Дело пустячное, ухватит дюжину фунтов серебра, купит надел земли в благополучной Фракии и будет жить припеваючи, любясь горами и закатами над морем. Осенью там, говорят, благодать! Но фортуна переменчива. Он много видел таких предприимчивых господ, милость их серебру! Минует совсем немного времени, и безжалостный молох обновленной империи перемелет в муку обогатившихся предпринимателей и выплюнет выдохшийся жмых.

Он распахнул дверцу и наткнулся на незнакомую девицу. Мысль у опытного пройдохи работала как хронометр. Он понял, что перед ним не заурядная шалава, которая зашла погреться на огонек. Девушка была абсолютно голая, что не смутило швейцара. Гулящие девицы всех мастей использовали любой повод ради получения выгодного клиента. Пресытившиеся богачи, одурманенные лошадиными дозами марашета, не возбуждались от обычных ласк. Приходилось изобретать нечто экзотическое. Вот и заголилась у всех на виду, шалава гулящая! Недурная идея, можно использовать для стимуляции опоенных клиентов! Девица ошалело крутила головой по сторонам, будто очухалась после изрядной дозы опия.

– Здравствуй, милая! – дружелюбно улыбнулся он. – Кой смерд занес тебя в нашу обитель?

– Я не знаю! Я купалась в озере, а потом провал... Ничего не помню! Где я?!

– Ресторан «Карамболь» – милость в дом входящему!

– «Карамболь»... Вы говорите по-русски, только странно как-то. Это Россия?

– Петрополис. Столица великой империи, кнут тебе в дышло, шалава! Или же Питсбург, называй, как тебе охотнее... – надменно сказал швейцар, поправил роскошную муаровую ленту на шее. Он приобрел ленту специально у менялы, в торговом ряду, за пару монет. На ней отменно выглядел орден Франциска третьей степени. Конечно, не чета ордену Войны, но выглядит солидно. Серебро украшено фальшивыми изумрудами и перегородчатой эмалью. Выиграл орден у опустившегося ветерана войны. Напоил героя крепчайшей водкой, умело подкинул крапленую тройку червей. Посетители смотрели на обладателя ордена с уважением,

одаривали недешевым золотом и настоящими марками, иные шотландскими фунтами, а то и серебром, как тот же скандалист Траубе. Ради mzды можно и кошек потерпеть!

– Питсбург – город в Америке... – запинаясь, пробормотала шалава. Она закрывала грудь руками, как невинная девица. Фигурка высшей категории! Такую шалаву можно выгодно продать туркам. Продать или обменять на партию опия. Турки любят светловолосых красоток.

– Армения! – добродушно поправил швейцар. – Ты оговорилаcь, деточка! – Он достал из шкафчика пузатую бутылку, налил незнакомке водки, мысленно просчитывая, сколько может за нее получить. Старовата малость, но груди как у статуи! Эфенди Эреджен, негоциант из рыбинской слободы, отвалит фунт серебра, не поскупится старый развратник. Всем известно, что популярный сутенер лично тестирует свой товар, прежде чем отдать в пользование.

– Соединенные Штаты Америки...

Глаза у девушки были насмерть перепуганные, руки дрожали, лицо покрывали пятна румянца. Скромная...

Невинность дорого стоит! Это хорошо! Можно выручить немалый куш, слава небесам, что занесли ценную находку в его обитель!

– Соединенные Штаты... Питсбург – город, кажется, на севере страны! – бубнила девка, как прилежная ученица.

– Эка вспомнила! Нет такой страны уже почитай тридцать лет. Разделили на колонии, население в рабство продали. Я лично перепродал парочку чудесных хохлушек.

– О чем вы говорите?! Хохлами называют жителей Украины!

Шалава застонала, по щекам потекли слезы. Швейцар начинал раздражаться. Не похоже, что чумная девица принесет ему прибытку! Но и здесь ее голую оставлять неразумно. Он шинковал малолетними девками и мальчиками. Но официально запрещенную негоцию вел тихо, так сказать, инкогнито.

– Что за Украина?!

– Украина. Страна такая... В прошлом часть Советского Союза. Что здесь творится?! – взмолилась девушка.

– Нет такой страны! – отрезал швейцар. – Нет и никогда не было! Если ищешь работу, приходи после закрытия. Придумаем, покумекаем... Ты вроде шалава ладная! – Он равнодушно помял незнакомку за грудь, ощупал бедра.

Все дальнейшее случилось автоматически. Сработал инстинкт. Даша схватила сутенера за руку, вывернула кисть, коротким ударом в висок отключила сознание. Мужчина охнул, облокотился о стену. В глазах застыла текучая дурь. Дальнейшие ее действия были также следствием инстинкта, но не лишены здравого смысла. Она распахнула шкаф, в котором на плечиках висела одежда. Нелепые штаны покроя галифе, кожаная куртка. По счастью, одежда оказалась ей впору. Тут же стояли сапоги. Высокие, с дурацкими шпорами, оказавшиеся немного великоватыми. Надо полагать, бутафорское одеяние для театральной студии.

Одевшись, Даша почувствовала себя уверенней, страх сменило любопытство. Милость в дом входящему! Цитата из любительского спектакля. Ныл затылок, ее малость подташнивало. Швейцар тихонько застонал, повел мутным взором. Придет в себя через пару минут. Павел Стрельников помимо джиу-джитсу преподавал уроки выживания в экстремальных условиях. Даша была лучшей ученицей. В необычных ситуациях имела ценность любая информация!

Извращенец очухается, она его допросит. Что дальше? Следует вспомнить все предшествующие события. Лоренц рассказывал про Змеиное озеро. Чудное слово – эрлики. Как детская считалка. Подземные духи, согласно верованиями хакасов, умеют управлять временем. Отбой!

Девушка поймала себя на мысли, что рассуждает, используя терминологию Стрельникова. Эрлики меняют события из века минувшего. Она плыла по озеру, волшебная, словно текучее зелье, вода ласкала кожу. Из небытия возникла фигура лысого мужика. Будто сквозь

ватные затычки в ушах донесся крик Лоренца. Она захотела ответить, гавкнул пес, и наступила темнота. Девушка до боли стиснула кулаки. Нелепая одежда в шкафу, необычная речь мужика, одетого, как персонаж из фильма про средневековую эпоху. Лучший способ избежать паники – это принять реальность, какой бы сверхъестественной она ни казалась. Еще один урок Стрельникова. Легко сказать, трудно сделать!

– Шалава песья! – выругался швейцар. Он очухался и со страхом глядел на женщину. – Ты из бастардов? Какого племени? Выборгские, слободские, центровые? Дожили волки, шалавы присылают за мздой! Я плачу! – кричал он, брызгая слюной. – Плачу Груздю по двадцать марок в квартал. Больше не в силах, слово негоцианта! И марафет ваш дрянной! – Он сплюнул на пол.

– Простой вопрос, и я уйду. – Даша старалась говорить спокойно, но голос предательски дрожал, выдавая волнение. Не каждый день можно отправиться в романтическое путешествие, а очухаться черт знает где!

– Дерзай, шалава!

– Назови время и место, где мы находимся.

– Шутки шутишь, шалава чумовая? – Швейцар подозрительно смотрел на девушку.

– Если не скажешь, ударю еще раз! – пообещала Даша. Ей было страшно. Страшно до тошноты, но иногда страх являлся мощным стимулом для действия. Надпочечники выбрасывали адреналин в кровь или что-то в таком роде.

– Я уже сказал... Ну, Петрополис. Седмица третья майская на исходе. Что еще?!

– Год, страна! Все говори, малахольный!

Ее трясло, ярость пересилила панику. Прав Павел Матвеевич, злоба эффективнее отчаяния!

– Год семьдесят второй от появления Ордена.

– Какого на хрен Ордена?!

– Орден Троянов, лютый бредень³ тебя дернул задавать пустые вопросы!

– Страна какая?!

– Страна – Россика, – послушно, как прилежный ученик, отвечал швейцар.

– Россика... – упавшим голосом повторила Даша.

– Империя россос, немчинов и татар. А в ходе последней войны к нашей территории примкнули Молдова, земли Фракии и Галиции. Об этом детей в гимназиях учат! – плачущим голосом вещал швейцар.

Проще поверить, что она под кайфом. Дарья Родченко не курила даже в юности, а любых наркотиков чуралась как черт ладана.

– Уйди, шалава! – захныкал швейцар. – Мне служить надобно! Сейчас приедет герр Траубе, верховный секретарь Третьего Совета. Небо свидетель, коли прозеваю, затравит своими котами! Лютый бредень, милость в дом входящему! Вот, возьми! – Он протянул ей мятые купюры.

Простейший способ определить место пребывания – изучить денежные знаки региона. Так пишут в книжках по занимательной криминалистике. Она поднесла купюру к глазам. Водяные знаки, червячки, змейки, хитроумные переплетения цветных линий. Арабские цифры, и на том спасибо. Десятка и сбоку латинская надпись *marke*. На лицевой стороне изображение привлекательного молодежавого господина с бородкой и усиками. Субъект похож на Николая Второго, каким его изображали на портретах. На оборотной стороне купюры начертана пирамида и всевидящее око. Нечто подобное имеется на долларовых купюрах.

– Уходи, шалава...

– Я еще вернусь! – пообещала Даша, поднялась по ступеням и шагнула на улицу.

³ Бредень – восхищение, с ругательным оттенком, описывающее героя отважным, пренебрегающим опасностями.

Светило яркое солнце, запах черемухи сладким полотном растекся над землей. Вдоль тенистой аллеи выстроились тополя, как солдаты на параде. Третий дом от площади напоминал восточный минарет. На балконе сидела высохшая старуха с желтой пергаментной кожей и раскосыми глазами. Черные одежды до пят делали ее похожей на вдову или монахиню. Она курила длинную папиросу, бесцеремонно разглядывая прохожих. Аккуратные таблички с нумерацией домов и названием улиц сверкали начищенной медью. Рублевский проспект, 14.

По площади бежал мальчишка-беспризорник. Наследие царского режима, так преподавали в советских школах. Багровый шишак зрел над его бровью, пацан крутил на веревке привязанную за хвост здоровенную тушку дохлой крысы.

– Фалалей! Фалалей!

Звонкий крик разносился в прозрачном воздухе. Крыса в руках юного живодера выписывала причудливые пируэты. За беспризорником увязалась ватага бродячих собак. Солидный господин в дорогом летнем пальто из английского сукна брезгливо сморщился и замахнулся тростью:

– Мерзость, какая мерзость!

Мужчина говорил с немецким акцентом, продолговатое лицо украшали длинные полубаки, набалдашник трости венчала фигурка обнаженной женщины, отлитая из чистого серебра. Он держал на поводке двух котов. Лысых, как сфинксы, и огромных, по сорок сантиметров в холке. Не коты, а чудища из фильмов ужасов! Его спутница, высокая белокурая красотка с удивительным восточным разрезом глаз, равнодушно смотрела на беспризорника.

– Голодный мальчик. Смерды вечно хотят жрать!

Словно заводная кукла заговорила. Ее голос, лишенный басовых нот, плоский, блеклый, будто прокисшее молоко, вызывал жуткое ощущение, кожа покрывалась мурашками. Гроздь алмазов сверкали на массивном кольце, обнимающем безымянный палец, – налицо работа Фаберже. Запястье украшал стальной браслет с гранатовой россыпью, в центре – розовый камень размером с голубиное яйцо. Даша всегда была наблюдательной девушкой, а опасность обострила инстинкты. Руки красавицы были обнажены до плеч, глубокое декольте оголяло совершенной формы грудь с выкрашенными синей краской сосками. Кожаные штаны плотно облегли стройные бедра, на поясе висела длинная шпага в ножнах. Ножны были инкрустированы драгоценными камнями. Не женщина, а разряженное пугало с картинки! И татуаж груди словно у аборигена Полинезии!

– Вы правы, госпожа Лукреция! – Господин швырнул на мостовую пригоршню золотых монет. – Лови!

– Шнягу⁴ тебе в дышло, троян гунявый! – рассмеялся мальчишка.

Господин нахмурился, махнул рукой полицейскому, наблюдавшему за важными гостями с противоположной стороны улицы. Полицейский немедленно кивнул, заспешил на зов.

– Это не смерд, Карлос! – улыбнулась женщина. – Твоя проницательность подвела тебя. Слишком много пьешь местной водки.

– Фалалей! – Беспризорник пританцовывал на месте, подле него кружилась стая псов, оглашая окрестности лаем.

Приблизился полицейский. Хмурое рябое лицо блюстителя порядка оживилось. Он подернул перевязь арбалета, подобострастно улыбнулся вначале женщине, затем ее спутнику.

– Что прикажете?!

– Хотите его пытать, Лукреция? – спросил мужчина, игнорируя вопрос полицейского.

– Пожалуй...

– Как вам будут угодно!

⁴ Шняга – ругательство, в определенных обстоятельствах повышающее авторитет.

Он достал из кармана портсигар, тотчас подскочил услужливый швейцар, стоявший неподалеку и внимательно наблюдавший за иностранцами. Он поднес зажженную спичку.

– Danke!

Даша читала, что в начале двадцатого века Питер был во многом немецким городом. Фабриканты, врачи, аптекари. Германские метастазы поглощали здоровый славянский организм, как ржа металл. Этот субъект на немца был не похож, хотя говорил с акцентом. Лицо скорее типично для испанца или итальянца, только кожа в северном климате побелела. Психологи утверждали, что, оказавшись в необычном месте, человек стремительно начинает усваивать новую информацию. Пятьдесят процентов впечатлений приходятся на первые тридцать минут. Сколько времени она здесь? Сорок минут? Час? Даша вжалась спиной в твердую стену дома. Мимо проществовали две парочки. Молодые люди в сопровождении подруг. Они уселись на скамейку, с интересом наблюдая за разворачивающимися событиями. Худая рыжеволосая девушка с выкрашенной в розовый цвет челкой, одетая в полупрозрачную комбинацию, достала из сумочки бутылочку, наполненную на треть бурой смесью. Ее спутник протянул коробок со спичками, размером с небольшую книжицу. Анаша – догадалась Даша, или какая-то другая гадость. Загорелось с третьей попытки, девушка поднесла синий огонек к горлышку. Сладко запахло травой, девица приложила губами к горлышку, глубоко затянулась, передала подруге. Высокий парень выбивал пальцами затейливую трель на эфесе своей шпаги. У него был наголо обрит череп, макушка синела от густой вязи татуировки. Он посмотрел на Дашу, наклонился к товарищу, что-то прошептал на ухо. Вся компания дружно рассмеялась. Местная золотая молодежь отдыхала. Старуха затушила окурочку, прикурила новую сигарету, прокричала с балкона молодым людям. Рыжая рассмеялась, показала бабке неприличный жест, прильнула к бойфренду. Даша смущенно отвернулась. Нравы у местных жителей могли повергнуть в шок опытную жительницу столичного города! Девица потянула шнурок, опоясывающий кожаные штаны кавалера. Да она сейчас вытащит на всеобщее обозрение его мужское достоинство!

– Госпожа Лукреция хочет поместить дерзкого кнабе в пыточную камеру! – повернулся к полицейскому мужчина.

– Вы совершенно правы, герр Траубе, и вы, фрейлейн Лукреция! От смердов и бастардов проходу не стало! Милость дому за такие слова! – Швейцар бросил красноречивый взгляд на незнакомку.

Тонкие пальцы дернули Дашу за плечо.

– Фалалей, тетя!

Перед ее лицом болталась крысиная тушка.

– Ляг на землю, байстрюк! – насупился полицейский. – Ты арестован!

– И шалаву заберите, господин полицейский! – крикнул швейцар. – Она мне руку повредила!

– Купи крысу, тетя! Всего полмарочки! Купи!!! – Пронзительный голос оглушил. На приказ мальчик не обратил внимания.

– Сейчас за тобой наряд прибудет, байстрюк! – пообещал полицейский. – Большая честь для смерда, слава небесам! – Он попытался дать мальчишке пинка, но тот ловко уклонился от удара.

– Фалалей! Сам ползи в Кресты, шняга дохлая!

– Смерд гунявый! – Лицо полицейского побагровело, он размахивал дротиком, как боевой палицей.

– Это – кормчий! – звонко проговорила Лукреция. – Неужели ты не видишь, пес?! Юный кормчий! В пыточную его!!! Шнель! – Она завизжала громко, отчаянно.

Даша с холодеющим сердцем увидела, как в розовом зеве красавицы дрожит раздвоенный змеиный язычок.

– Яволь!

Полицейский отцепил от пояса наручники.

– Слово волка! – издал боевой клич мальчишка. – Ату!

Дворняги дружно повернулись к полицейскому, свирепо лаяли, тот испуганно пятился назад.

– Псы⁵ псов гонят! – веселился беспризорник.

Крысиная тушка не пахнет, сообразила Даша. Муляж, умело созданная талантливым таксидермистом конструкция. Мальчишка взмахнул своим трофеем и обрушил тушку на голову полицейского. Словно пращей припечатал. Блюстителю порядка осекся на полуслове, глаза затуманились. Швейцар кинулся к спасительным дверям ресторана, но выпущенное из рук беспризорника орудие угодило ему в затылок. Пробежав два метра по инерции, он упал на порожек.

– Bravo! – заплодировала старуха...

Рыжая девица на скамейке запросто оседала бедра рыжего парня, твердые ножны стучали по худосочным бедрам в такт ее движениям, губы впились в шею любовника.

– Фалалей! – верещал мальчишка. Он подобрал свое орудие, повернулся к девушке. – Живо ходу, чумичка!⁶Живо!!!

Даша увидела, как немец чешет кота за ухом. Его спутница улыбнулась, сверкнули острые клыки. Щелкнула застежка, звери бросились в атаку. Мальчик подобрал крысу, служившую ему отличным орудием, и вертел ею, как пращей, не давая хищникам приблизиться.

Подкатил экипаж, наружу неспешно вышел худой мужчина. Смуглая лысина сверкала на солнце, мочку уха оттягивала массивная серьга. Он вел на поводке огромного бультерьера. Пес сделал стойку, мускулы перекачивались под лоснящейся шкурой. Широкою грудью собаки украшал золотой медальон. Готическим шрифтом на нем была выгравирована надпись на немецком языке. «EDEM DAS SEINE». Лозунг над воротами лагеря смерти. «Каждому свое». Мужчина погладил собаку по холке, подмигнул Даше, как старой приятельнице, поднял руку. На длинном ногте висела тонкая золотая цепочка с крестиком. Девушка судорожно хлопнула себя по груди. Она не снимала цепочку даже на тренировках.

– Ходу, чумичка! – надрывался мальчуган. – Трояны возьмут!

Кот впился когтями ему в плечо, бродяжка вывернулся, как ловкий уж, и шмыгнул в подворотню. Повинуясь властному инстинкту, Даша приняла моментальное решение. Она прыгнула следом за беспризорником, успев услышать, как лысый отдает команду бультерьеру.

В подъезде пахло подвальной сыростью и кошачьей мочой. Наверху хлопнула дверь, женский голос спросил на немецком языке, кто-то ответил, дверь закрылась. Мальчишка взлетел на второй этаж, впереди маячило блеклое пятнышко света. Свирепое рычание за спиной не давало времени на размышление. Даша бежала следом за беспризорником, не чуя под собой ног. Мощный толчок опрокинул ее на пол, висок ожгло болью от удара о каменные плиты. Боль воскресила гаснущее сознание, липкая кровь оросила плечо. В полумраке маячила морда пса. Она попыталась ударить сложенными пальцами, но с таким же успехом можно бить в каменную стену. Бультерьер издал торжествующий рык, смрадом пахнуло из пасти. Девушка вцепилась в золотую пластину, лопнула цепь, зверь впился железной хваткой в запястье, издали раздавался писклявый голос:

– Седью жги выжлеца!⁷ Седью!

Всполохи огня лизнули стены, запах паленой шерсти смешался с формалиновым привкусом химических реактивов. Словно на факультативе по химии студенты жгут карболку. Взревел пес, прыгнул в темноту, воцарилась благословенная пауза...

⁵ Псы – представители властных структур.

⁶ Чумичка – девушка, женщина.

⁷ Выжлец – пособник демона, в контексте повествования собака, пес.

- Глянь, Тихон, шмара клевая! Юшка на грудях, вся замуроцована, щас помацаю!
- Убери грабли, чудило! Не покойница, чай!
- Шкура гладкая, а по всему видать – шалава⁸ добрая!
- Одежа порчена седью...
- Так гномы огнивом прошлись! И мы вовремя подоспели.
- Гномы зверя изгнали, трояны шибко лютые теперь!
- Гуни⁹ повсюду рыщут!
- Гуни завсегда рыщут. Ремесло у них такое. Отойди от чумички, Грек!
- Вона титьки какие! Мочи нет, мацать буду!

Даша ощутила касание к груди, инстинктивно перехватила руку. Человек разразился площадной бранью.

- Чумичка говная, таль припадочная! Едва руку не сломала, зыркай, Тихон, фуфел будет!
- Я говорил, не мацай, чудило!

Тихон поднес чадящую лампу к лицу девушки, и она открыла глаза, подслеповато щурясь. В голове тотчас взорвался салют, руку скрутила горячая боль. Слабый свет осветил помещение. Похоже на подземелье или подвал. Воздух сырой, ноздреватый, как тающий снег на тротуаре. Пахнет людским потом и вяленой рыбой. Вместе с болью пришло осознание пугающей действительности. Десятилетний мальчуган ловко управлялся чучелом крысы! Вертел, как рыцарь пращу! Удар, и здоровенный полицейский повалился с ног! Метнул тушку и сбил с ног швейцара. Кот набросился на подростка, как разъяренная рысь, мальчишка нырнул в подъезд, а она следом за ним, повинувшись древнейшему на земле инстинкту. Бей и беги. А после всего как сквозь землю провалился. Голову ломит, тошнота подкатывает к горлу, налицо симптомы сотрясения мозга. Левая рука малость опухла, но кости целы. Челюсти пса способны раздробить голень, не то что женское запястье! Ей повезло, зубы хищника лишь ободрали кожу. Пес весил по меньшей мере пятьдесят кило, пасть как у динозавра. Она нащупала металлическую пластину и обрывок золотой цепи. Кто хозяин у собаки, если украшает своего любимца подобной драгоценностью?! Металл на бронзу не похож, мягкий и сверкает, как червонное золото. Кожаная куртка распахнулась на груди, подкладка свернулась от огня. Таинственный герой спас незнакомку от свирепого бультерьера и исчез. Похоже на завязку романтической истории. Она вспомнила, как пахло жаром, а затем спасительный обморок поглотил сознание. Ученые считают, что обморок достался людям в наследство от предков. Попытка притвориться мертвым, чтобы не сожрал пещерный медведь. Те, у кого давний предок был храбрым воином, сознание не теряют. А вот потомки трусов хлопаются без чувств, как капризная мадам! Ее предки были трусами, это уж точно! Придя в себя, Даша ощутила страх. Так всегда случается, когда минует смертельная опасность. Она приподнялась на локтях, оглядываясь по сторонам. Низкие своды помещения, колонны подпирали потолок. По углам чадили лампы, извергая тошный запах горящего масла. Сильно пахло рыбой. Сбоку темным пятном маячил дверной проем, к нему вели высокие ступени. Над косяком оскалилась волчья пасть в натуральную величину. Чучело или умелый муляж. Сверху вытесана надпись, резакон по красному кирпичу: «Волчье слово – закон для баклана!»¹⁰

Вдоль стены на крюках была развешана вобла. Воблы очень много, она источала терпкий аромат, любой питерский алкаш позавидует. В дальнем углу подвала сгрудились люди. Темная фигура отделилась от толпы, приблизилась. Мужчина лет тридцати. Он был одет в кожаную безрукавку, на шнурке болтался медальон в форме скорпиона. Голую, обильно заросшую

⁸ Шалава – любая женщина, чаще – молодого возраста, свободных нравов.

⁹ Гуни – частные осведомители.

¹⁰ Баклан – криминальный субъект.

густыми волосами грудь покрывала синь татуировок. Тату необычные, вроде тех, что рокеры набивают. Черепа, кости, змеи переплетенные.

– Отбил шалаву у троянов, Тихон? – доброжелательно улыбаясь, спросил мужчина.

– Гномы огнем пса отогнали...

– Теперь шалава ваша?

– Верное слово! Гномам чумички без надобности...

– Ты помогал им, смелый волк!

– Выжлец был дюже грозный, одному худо справиться! – скромно сказал Тихон.

– Почтенный выжлец, подручный самого Яноша. Ты заработал славного недруга, брат!

– Хотел загубить гниду, гномы помогли, – смущенно отвечал мужчина. По тону было слышно, что похвала ему по душе.

– Загубить трояна невозможно! – назидательно, словно школьный учитель, проговорил мужчина.

– Я хотел загубить выжлеца! – упрямо повторил Тихон.

– Ты – добрый волк!

– Милость за слово!

– Слово волка! Дам пять марок за шалаву! – Мужчина говорил тихо, вкрадчиво, нараспев. Широкая ладонь покоилась на рукояти кинжала, ножны простецкие, но лезвие длиной сантиметров двадцать.

– Чумичка пришлая, по ходу, кошарка¹¹, охота на нее будет!

– Думаешь гуням продать? Или псам выменять? Знаешь, что полагается за дружбу с кошарами?

– Не твой суд, Булат! Сам решу!

– Двадцать марок, Тихон! Лютый бредень, добрая цена! Никто из слободских тебе больше не даст!

– Смердам гроши предложи, у них славные шалавы бывают! За пять марок пяток шалав получишь! Славная негоция, брат!

Мужчина громко расхохотался, оценив по достоинству шутку товарища.

– Смерды хворые. Зацепишь чушку, ни один лекарь не вылечит. Твоя шалава чистая, нутром чую! – Хищно шевельнулся острый кадык, Булат ощупывал глазами женскую фигуру.

– Зачем тебе чумичка, брат? – примирительно сказал Тихон. – Она точно кошарка, псы ее рыскать будут, трояны охоту устроят.

– Тем слаще дrolиться! Сорок марок!

– Не продается, отвали, черный!

– Истинный волк! – засмеялся Булат. – Воду пьешь, коровью сыть ешь, брагу пьешь... –

Он загибал длинные пальцы. – Когда мзду отдашь, брат?!

– Брал, стало быть, верну!

– Волчье слово?!

– Волком жил, псом сгинул!

– Ну-ну... – Булат шутливо погрозил пальцем и вернулся на свое место. Присел на топчан, взял колоду карт, из угла послышалось приглушенное бормотание:

– Трефы не жгут... Рой в жилу, дохлый! Бубна кроет!

Даша отерла липкие ладони, запахнулась в куртку. Пальцы предательски дрожали. Немедленно в памяти всплыли уроки Стрельникова. Оказавшись в чужеродной обстановке, следует обнаружить альфа-самца и опущенного. Это самые опасные для новичка персоны. Полагайся на интуицию, в экстремальных условиях мозг – твой враг. Булат опасен, на альфа-самца не тянет.

¹¹ Кошар, кошарка – любой пришелец из Зеленой страны, оказавшийся в империи.

– Ты пришла? – спросил Тихон. – По ходу – кошарка!

Высокий парень, круглое лицо усыпано веснушками, глаза раскосые, бурятские. Волосы как полова, прямые, ломкие. Белесые брови будто у альбиноса. Похожую внешность она видела на картине Васнецова. Так живописец представлял себе древнего скифа. Плечи широченные, руки длинные, как у гориллы, через все лицо простирался кривой шрам. За его спиной скрывался претендент на ее груди. Черноволосый, худой, колючий. Карие глаза бегают, на запястье вздувается шишак. Молодец Родченко! Пятерка по рукопашке! Едва очнулась и точку на скрещении сухожилия и нервного узла нашла безошибочно. Боль стихнет через полчаса, не раньше. Только бы избавиться от отвратительной дрожи в коленях!

– Огрей ее по маковке, Тихон! – свирепо тарачил глаза маньяк-неудачник. – Заменяй Булату! На бражку заменяй, на сыть коровью!

– Кто вы такие? – робко прошептала девушка.

– Волки центровые! – не без гордости ответил Тихон.

– Волки... – упавшим голосом повторила Даша. – Как я сюда попала?!

– Мы принесли.

Теперь и зубы выбивали дрожь. Не показывать страха! Скрывай страх под яростью, пусть и показной!

– Коли менять шалаву не хочешь, давай иначе! – не унимался сексуально озабоченный абориген. – Ты ее поддержишь, чтобы не рыпалась, а я дrolить буду! Потом заменяем Булату.

Спасительная вспышка бешенства изгнала привычную робость. Даша одним прыжком оказалась на ногах и хлестким ударом сбила долговязого на землю. Тот рухнул, закрыл ладонями голову и тихо заскулил.

– Уйди, шалава! Уйди прочь!

Точно опущенный! Таких приемов вы не знаете, братцы из подвала! Она долго отрабатывала специфичный удар из тайского бокса, набивала голень о мешок, к великому недовольству Мишки Лоренца. Получилось славно, хлесткий удар ногой в область колена. Даша вспомнила про жениха и чуть не разревелась. Терпи, дура! Тебе надо искать альфа-самца! А потом разбираться, как она сюда попала, что это за пацаненок чудной и господя, пренебрегающие маникюром, травящие незнакомцев гигантскими котами и свирепыми собаками. Победа над слабым противником возбуждает лучше любой разминки перед схваткой! Пока злоба тлеет в сердце бойца, ее надо использовать!

После недолгих размышлений она пришла к выводу, что, купаясь в озере, угодила в параллельный мир. Такие истории описаны в фантастических романах. Существует множество версий, связанных с путешествием в прошлое время. Классическая версия сводится к той аксиоме, что любая мелочь, оброненная сто лет назад, может коренным образом поменять ход истории. Те же романисты утверждают, что заплутавший на скрижалях времени путник неизбежно возвратится домой. Если она уже существует в благополучном Санкт-Петербурге двадцать первого века, то возвращение назад неотвратимо, как дожди в ее родном городе. Следовательно, ей ничего не угрожает. Здравые мысли внушали надежду и придавали толику мужества насмерть перепуганной девице. Пока следовало осваиваться. Проявить себя, занять подобающее место в видовой иерархии. Все особи расположены в обществах по линейной схеме. От альфы до омеги. Если она скатится вниз, ее будут дrolить все подряд, а потом продадут загадочным гуням. Грустная перспектива. Авторитет новичка лучше всего приобретать с первых минут пребывания в коллективе. Она большую часть жизни посвятила изучению боевых искусств. Вот случай и подвернулся реализовать знания на практике, а не на комфортном татами в спортивном зале! Дважды ей это уже удалось, хорошее начало!

– Меня зовут Даша! – Она доброжелательно смотрела на рыжего богатыря.

– Тихон! – Человек широко улыбнулся, явив прореху между зубов. – Он – Грек, семейник мой. Глупый, трусливый баклан, дюже до шалав охочий, но добрый...

– Шняга гунявая! – беззлобно ругнулся Грек.

– Ты меня спас, Тихон?

– Гномы выжлеца седью опалили, мы подсобили. Вона выжлец тебе руку ободрал...

– Выжлец – это собака, бультерьер?

– Лютый бредень! – с оттенком уважения проговорил Тихон. – Личный выжлец самого Яноша Лютеранина!

Туманные объяснения ясности не добавляли. Девушке мучительно захотелось домой. Страх разъедал душу как ржа, и сейчас он разыгрался с прежней силой.

– Гномы – это маленькие существа, живут в подземельях, охраняют сокровища... – неуверенно сказала она.

– Гномы за ресноту! – ответил Тихон. – Они света дневного не шибко любят, в подземельях живут, по ночам выходят. Ратибор – перший гном. Страх не ведают, милость их доблести!

– А почему они заступились за меня?

– Гномы за ресноту! – повторил человек. – Троянов шибко не жалуют, псов и гуней тоже. Бакланы и смерды уважают Ратибора. Худо дело, когда выжлец добрую кошарку губит.

– Я никогда не видела таких злых собак! – растерянно проговорила Даша.

– Язва лютая тот выжлец!

– Там мальчик был с крысой на веревке...

– Фалалей! Лихой парубок! Вечно с троянами шуткует. Ловок стервец! Добрый пасюк¹², милость его дому, умелый волчонок!

– Почему пасюк?

Саднило в горле, хотелось пить, но так уж устроен человек, что первым делом ему надо выпытать информацию, а потом насыщать потребности. Психологи ставят любознательность вровень с инстинктом самосохранения.

– Пасюк кошаров встречает. Они блудят, нужен кормчий.

Проводник в параллельном мире. Вам такое и не снилось, господа фантасты! Почему-то объяснение успокоило ее. Обрушившаяся за пологом тумана реальность выглядела настолько неправдоподобной, что страх ослаб. Будто фильм ужасов смотришь.

– И много таких кошаров у вас? – пыталась она разговорчивого «половца».

– Не дюже много. Их трояны подстерегают или псы. Опять же гуин доносят. Редко кто сподобится инде¹³ схватиться.

– А что делают трояны с пришельцами?

– Всяко бывает... – неохотно ответил Тихон.

Умная девушка поняла, что следует взять паузу. Она проглотила сухой ком.

– Попить у вас не найдется?

– Бражку Грек вылакал. Вон вода, ежели хочешь. – Тихон протянул кружку с облупившейся по краям эмалью.

Девушка благодарно кивнула, жадно выпила липкую, отдающую ржой и затхлостью воду. Накануне путешествия она болела ангиной, принимала комплексные антибиотики нового поколения и иммуномодуляторы. Даже если тухлое мясо съест, кишки стерпят, не вывернет наизнанку.

– Брюхо ломит? – деловито осведомился Тихон.

Даша догадалась, что речь идет о голоде.

– Спасибо. Только попить...

¹² Пасюк – особая каста проводников. Так именуют людей, обладающих даром перемещаться в разные миры. «Прогрызать» дыры в пространстве.

¹³ Инде – повсюду, часто.

– Чудная молва у тебя, Даша! Там коровья сыть малость осталась, хошь – похлебай! – Он кивнул в сторону просторного чана. На дне бултыхалась подозрительного вида жижа. Пахло требухой и внутренностями.

– Тебя Греком зовут? – Она повернулась к поверженному бродяге.

– Греком кличут...

– Не сердись, что я тебя ударила. Похмелье, брат, понимать должен!

Инструкции Стрельникова всплывали в памяти без малейшего усилия. Заимствовать ценности аборигенов, уважать их. Схема работала безукоризненно. Смуглый Грек немедленно расплылся в улыбке, обнажив шербатые, съеденные цингой корешки зубов.

– Че тупишь, чумичка! Кабы ты сразу сказала, что бодун колотит! Нешто Грек человек, а не язва?!

Он зарылся в лежалое тряпье и извлек наружу замусоленную фляжку с плещущимися остатками бурой жидкости.

– Мигом налью, и айда дrolиться!

Сценарий пошел по ложному пути, как пишут драматурги. В кружку потекла вонючая жидкость. Даша с трудом представляла себе законы гостеприимства в параллельном мире, но «дролиться» с чумазым оборванцем за дозу пошла – это увольте! Выигрывая время, она повернула к свету емкость. Коронационный стакан. Печать на эмали, триста лет правления дома Романовых. 1613–1913 годы. В оплетенной вензелями рамке красовался первый российский император, печально известной династии Алексей Михайлович, и с другой стороны Николай Второй, а также супруга венценосца Александра Федоровна. До знакомства с Лоренцом она встречалась с парнем, работавшим в антикварном салоне. Большой магазин на улице Некрасова, в центре города. Ей нравилось рассматривать запыленные раритеты, спрашивать о необычных предметах. Словно прикасаешься к страницам канувшей в небытие эпохи. Антиквар рассказал, что дешевые сувениры раздавали простому люду в памятный юбилей. По гурту облупилась эмаль, чернели сколы. Девушка ощутила, как ухнуло и провалилось сердце, затем забилось часто, бестолково, тревожно. Знакомое каждому школяру благородное лицо, обрамленное бородкой и закрученными усами. Парадное обмундирование. На обороте стакана, в том месте, где золоченые цифры вплетаются в ажурный узор, автор ввел еще одного персонажа. Гладкий череп без единого волоска, Брюс Уиллис позавидует. Мертвые глаза, в ухе серьга из белого металла. Изображение выполнено упрощенно, схематично, эмаль не считается подходящим материалом для детальной живописи, но у нее безукоризненное зрение. Руки незнакомца сложены на груди, художник изобразил краешек заостренного когтя на мизинце.

– Не томи, шалава! Пей и айда дrolиться! – суетился Грек. – С кем-то придется дrolиться, потом все одно Булат тебя заберет!

Ничего не поменялось! Кто девушку поит, тот ее и танцует!

– Отвали! – грубо ответила Даша.

Она повернулась к Тихону:

– Красивый стакан! Откуда взяли?

– На куче нашли.

– Что такое куча?

– Там, в петровской слободе... – Он неопределенно махнул рукой. – Такого добра много. Groшей не стоит.

– Спасибо, что не отдал Булату...

Простодушное лицо Тихона потемнело.

– Худой человек. Совсем худой! Он тебя все одно отторгует. Падок до чумичек, свиное рыло! Груздь в темнице, вот он и лютует... – Он сплюнул на пол и покосился в сторону игроков.

– Трешка тrefы! Пляши гузю¹⁴, колченогий! – радостно гоготал Булат.

Низенький толстяк юлил, заглядывая в лицо удачливого игрока:

– Я верну, Булатик, милость дому твоему! И гузю спляшу, как ты любишь!

Он неловко пританцовывал на месте, похожий на разевшегося жирного барсука. На низком лбу выступили горошины пота. Булат повернулся к женщине и сделал неприличный жест.

– Груздь – ваш старшой? – спросила Даша. В горле встал сухой ком. Она старалась не оборачиваться, но боковым зрением наблюдала за нехорошей компанией.

– Груздь – темный! – пояснил Тихон. – Он дважды сдернул с кичи, а псы так и не хватились. Груздь фартовый волк! – В его тоне звучало неподдельное уважение.

– А где он сейчас?

– Понятно где! Бакланов слободских мочил, видать, гунн сдали! – удивленно смотрел на непонятливую шалаву. – Или внове псы замели. Риску много, отважный волк, милость сердцу его.

Альфа-самец. Надо полагать, беглый каторжник. В настоящий момент принимает участие в криминальных разборках или сидит в тюрьме.

– Инде псы замели Груздя на прошлой седмице, пытали шибко люто, – продолжал рассказывать Тихон. – Он все едино сдернул. Едва выбрался из Крестов, там центровые его подобрали, отходили. Едва очухался, а тут гуни донесли...

– Ты часто упоминаешь о гунях. Это провидцы?

– Чудно молвишь! – улыбнулся Тихон. – Гуней всякой станет, кто псам восточку несет. Они гроши имеют, а иные гуни безо всякого умысла вести носят.

– Стукачи, говоря проще! – резюмировала Даша. – И как же получается, что Груздя вашего слободские вылечили, а он их мочит?

– Семейные хлопоты!

Взаимоотношения между криминальными группировками города Петрополиса напоминали бандитские разборки девяностых годов. Вчера враги, сегодня друзья. Структура параллельного мира мало отличалась от земной обители.

– Чутка подролимся, чумичка... – ныл озабоченный Грек, бросая испуганные взгляды в сторону Булата.

– Шкуру погоняй! – огрызнулась Даша. – А кто изображен на бокале? – Она ткнула пальцем в чернородого мужчину.

– Ты не чуешь?! – воскликнул Тихон.

– Коли бы чуяла, не стала бы базарить! – Девушка на ходу пыталась вжиться в местную лингвистику.

– Это Янош Лютеранин! – ввязался в беседу Грек. – Перший троян!

Уже не первый раз она слышит это слово! Троян! Жители анатолийского побережья сражались с греками, но проиграли баталию. Греки не могли проникнуть в оснащенную Трои, смастерили здорового коня и прятались внутри. Так гласит легенда.

– Трояны – местная элита?

Мужчины переглянулись и громко рассмеялись, словно наивная кошарка ляпнула несусветную чушь. Она терпеливо ждала, когда они насмеются всласть, и повторила вопрос.

– Кто такие трояны, объясни, Тихон!

– Крамольные баскаки, вороги, демоны...

– То есть – враги?

Грек опять рассмеялся.

– Занятно брешешь, чумичка! Ворога можно изловить, погубить. Трояны бессмертны!

– Нечистая сила?!

¹⁴ Гузя – разновидность танца.

– Чудная молва! Демоны! Они – першие господа в империи и во всех землях! Орден Троянов, власть имеющие!

– Хорошая история! А это тогда кто?! – Она щелкнула ногтем по благообразной личине российского императора.

– Николас! Перший чинный господин.

– А рядом его жена, Александра Федоровна... – упавшим голосом прошептала Даша.

История разваливалась на глазах. Проще допустить последствия контузии, но факты – вещь упрямая. Если треп швейцара по поводу уничтоженной Америки можно принять за последствия контузии, то дважды одна шутка не канаает, как говорят в Одессе. Что приключилось с миром, пока она совершала эротический заплыв в сибирском озере?! Трудно представить, что великий князь Николай Александрович мог позировать вместе с нечистым духом в обличье лысого господина, больше похожего на стареющего рэпера, нежели на черта. Коготь на картинке – фирменный знак троянов. Стаканы изготавливали серийно, в канун юбилея, не позднее 1912–1913 годов.

– Почему Янош Лютеранин соседствует рядом с первым чинным господином?

– Пес чуёт... – пожал плечами Тихон. – Смерды молвят – важная феня!

– Он тоже троян? – дрогнувшим голосом спросила Даша.

Мужчины опять засмеялись.

– Николас – важная феня, но не демон! Демоны бессмертны, чуешь разницу? Орден правит!

– Чую! А кто такие смерды?

– Ты – важная кошарка! – обеспокоенно сказал Тихон. – Шибко много спрашиваешь. Волчий дух в тебе есть. Смерды разные. Беглые рабы, дезертиры, те, кого на киче люто мочили. Иные после пыток умом повредились, к смердам пошли. Трояны смердов худо чувуют, те гибели не страшатся. Нет на них управы, смекаешь?

– Смекаю, но худо. Получается, что смерды не боятся гибели?

– Смерды разные. Есть чушки немывтые, на куче лазают. Шибко воняют, оттого кличка такая. А есть шибко мудрые, Иван Архангельский из таких. Хворобы лечат, видят наперед. Чуешь?

Картина становилась понятнее с каждым новым пояснением. Смерды – низшая каста, отверженные бродяги, живут на свалке. Но среди них встречаются духовные проповедники. После страданий они приобретают статус святых. Нечто похожее уже случалось. Наверняка есть способ вернуться домой! В одной книжке Даша наткнулась на оригинальную мысль, изложенную автором. В неразрешимой ситуации имеется вход и выход. Если вы угодили в нее, должен быть путь назад, а найти его можно, успокоив дрожь в сердце. Хорошо сказано – дрожь в сердце! Она всегда была трусихой, и сейчас сердце бьется как заячий хвост! Существует только одна тупиковая ситуация, писал автор. Это смерть. Смерть в его понимании – это дорога в один конец. Она жива, следовательно, выход есть.

– Почему ты говоришь, что я – важная кошарка?

– Те, другие, опущенные были совсем, как после пыток. Их быстро находили трояны. Ты вон Грека ударила. Будут псы искать, гунн наведут. Трояны тебя обязательно разыщут! – убежденно сказал Тихон.

– Поглядим!

Унять дрожь в сердце! Как это сделать? Тот самый писатель давал рекомендации, как именно избавляться от страха. Простой и единственный действенный способ был понятен. Не избегать опасности и идти прямо на нее. Парадоксальный метод называется. Метод вепря. Когда вепрь боится, он кидается в атаку и зачастую одерживает победу. Ее взгляд упал на большую скамейку с резной спинкой. В точности такие скамьи украшали аллеи Летнего сада. Она помнила в раннем детстве витые ручки из крепкого бревна, вытесанное седалище. То

немногое, из старинного антуража, что сохранилось в городе. Петербуржцы любили сидеть на таких скамейках, кормить голубей хлебными крошками. Сильная рука вырезала на околотке седалища четыре буквы. ДАША. Коряво, но читаемо. А внизу схематичное сердце. Автор пиктограммы не обладал дарованиями живописца, но потрудился на славу. Буквы врезаны глубоко, видны отчетливо, наждаком не сотрешь. Скамейка была завалена полуметровыми стрелами, отдаленно напоминающими боевые дротики. Острия сверкали, посередине имелось углубление для пальцев. Рядом лежали большие чугунные болванки с фитилем в основании. Похоже на ядра из древних времен. Сбоку в пирамиду составлены простецкие арбалеты, сложенные в небрежную кучку короткие стрелы.

– Тихон, откуда это у вас?!

– О чем молвишь?

– Я про скамейку, дыряво вам в дышло!

– С кучи!

Дьявол раздери этот параллельный мир. Чего нехватишься, все у них с «кучи»!

– Ты не помнишь, кто вырезал... Ну, это слово!

– Должно, кошар...

– А где сейчас этот кошар?!

– Пес чует... – Он нахмурил низкий лоб.

– Кошара того псы забрали. Гуни навели, – ввязался Грек. – Шумная тщета была в тот раз! Псам, видать, кошар потребен был до зарезу. Нонче он в крепости, ежели не замучили до смерти.

– Врешь! – загудел Тихон. – Седальню слободские заменяли на сыть коровью!

– Сам врешь, шняга сучья! Точно помню, кошар вырезал слово!

– Зачти, коли помнишь! – едко сказал Тихон.

Грек долго хмурил лоб, шевелил губами.

– Дюже черно здесь. Не разберу! – прятал глаза неграмотный баклан.

– Ресноту молвлю! Слободские седальню привезли. А откуда они ее взяли, пес чует?

Может, с кучи или из сада большого...

– Что за большой сад?!

– Там, недалече... – махнул рукой Тихон. – Нонче псы троих кошаров возле сада взяли.

Пытают, должно быть!

– Черт вас подери! Почему вы все время говорите про пытки?

– Псы дюже до пыток охочие! Неметчины орудия поставляют, гуни молвят, вопли такие в крепости слышны, оглохнуть можно!

Жуткие рассказы аборигенов не приблизили к разгадке. Смерды – беглые рабы, духовные личности, не боятся смерти. Трояны – бессмертные демоны. Они же являются основателями Ордена. То же самое говорил и швейцар. Семьдесят второй год с основания Ордена Троянов. Она вспомнила змеиный язычок во рту девушки. Единственная связь с официальной историей – это портрет Николая Второго и императрицы Александры Федоровны. Дюже важная феня... Ей помогал мальчишка-проводник, в чьи обязанности входит встречать пришельцев из параллельного мира. Здравствуйтесь, гости дорогие! Добро пожаловать в наш славный Петрополис! Местные братки отбили ее у бульетьера и притащили в подвал, пока она валялась в отключке. Им помогали загадочные гномы, которые «за ресноту», за правду то есть. Дальше. На память о схватке у нее остался брелок из чистого золота с нарицательной гравировкой, и лысый мужик с внешностью булгаковского Воланда демонстрирует ее цепочку с нателным крестиком. Обменялись трофеями! И наконец, скамейка из Летнего сада, происхождение которой так и осталось за пологом тайны. Или ее притащили слободские бакланы, или она была всегда в подвале. А загадочный влюбленный кошар вырезал ее имя ножом, как озабоченный подросток. Для обретения реальности момента следует вернуться к фактам. Факты обладают даром отрезв-

лять субъекта в сложных ситуациях. Она – Дарья Родченко, выпускница института Лесгафта, – даже важная кошарка, и теперь на нее начнется охота. Что дальше?! Очень хочется домой, на Московский проспект, в уютную квартирку. Помимо воли на глазах выступили слезы. Метод вепря не работает, факты успокоения не приносят!

Тихон равнодушно ткнул пальцем в медальон:

– Грошей не стоит, лютый бредень!

– Это – золото!

– Кому оно нужно?! Тать¹⁵ пустая... – Он презрительно сплюнул.

– В моем мире некоторые бакланы за такую тать голову оторвут! – Она усмехнулась сквозь закипающие слезы. – Как мне выбраться отсюда, Тихон?! Вернуться домой? – вырвалось у нее.

Мужчина сделался вдруг серьезным, насупил лоб, долго молчал, затем изрек:

– Смерды молвят, были кошары, кому удалось вернуться. Каким путем, того не ведаю.

– А кто ведает?! – Она готова была расцеловать этого угрюмого, жутковатого на вид мужика и даже подролиться с ним ради свободы! – Кто ведает, брат?!

– Иван Архангельский. Шибко важная феня!

– Как его найти?!

– Не гони, чумичка, того никто не ведает. Он сам тебя найдет. Иван встречается с теми кошарами, кого псы не схватят.

– Мне надо на свежий воздух! Душно у вас здесь, ребята! – Девушка решительно поднялась на ноги. Воскресшая надежда дала ей силы, прав был писатель, выход есть.

– Помочиться хошь? – нервно сглотнул Грек. – Вона ведро! – Он толкнул носком сапога жестяной таз.

– Спасибо. Я лучше прогуляюсь.

– Даже опасно... – неопределенно промычал Тихон.

– Почему опасно?

– Псы кругом. Рыщут ноне каждого, кого гунн укажут. Молвят, мол, кошарка скрывается неподалеку. Трояны ищут беглых кошаров.

– Это я уже поняла.

Она направилась к низкой дверце, темным проемом зияющей в конце мрачного подвала.

– Инде схватят тебя, чумичка! – тоскливо проговорил вслед Грек. – Схватят, пытать станут. А так подролимся напоследок!

Ей наперерез выскочил Булат, и еще один темный, с обнаженным мускулистым торсом, маячил в нише. В руке человека сверкнуло лезвие.

– Стой, шалава!

Затуманенные дурью глаза человека не предвещали ничего хорошего. Вдоль стены стояли низкие скамьи и стол, будто притороченные к полу. Там азартно резались в карты несколько мужчин. Двое поднялись и, крадучись, как голодные волки, придвинулись к выходу. Итого четверо. Все парни крепкие, раздетому хоть сейчас на конкурс культуристов. Где он так раскачался без сывороточного протеина и анаболиков, неизвестно. Булат радостно скалился, как шакал.

– Хошь со всеми дролься, шалава, хошь по очереди! Будешь ласковой – помилую! Будешь только со мной! Волчье слово! – Он раскачивался с носков на пятки. Фигурка скорпиона болталась на шнурке, над татуировкой черепа было каллиграфически выведено «Волчья честь». Широкая улыбка до ушей. Ему весело, скотине!

Тихо причитал в своем углу Грек. Прозевал свое счастье, бедолага! Не успел подролиться с чумичкой, теперь занимайся автоэротикой, молодец!

¹⁵ Тать – никчемная вещь.

Все трусы разделяются на два типа. Одни пугаются теней в мрачной комнате, но в минуты настоящей опасности мобилизуются. Другие сравнительно легко справляются обыденными страхами, но перед лицом серьезной беды пасуют. Настало время узнать, к какому из двух типов относитесь вы, госпожа Родченко! Даша отступила к стене, мысленно просчитывая ситуацию. Допустим, ей повезет. Культуриста она вырубит. И это при том раскладе, коли обитатели питерского притона не владеют приемами единоборств. Согласно историческим сводкам, не должны. История не в счет! Идти на страх, как вепрь! Вот и первый экзамен, госпожа Родченко! Это вас не жирному швейцару пальцы ломать!

– Волчьё слово! – хохотнул Булат.

– Могу предложить то же самое, что и Греку. – Вспышка ярости затмила благоразумие. – Шкуру погоняй!

– Твоя воля! Барсук, не калечь шалаву! – Он подмигнул культуристу.

Здоровяк двигался быстро, бесшумно, как кошка. Двое его товарищей остановились, предвкушая сцену жестокой расправы с непокорной девицей. Остальные обитатели подземелья не проявляли особого интереса к разворачивающейся драме. Хныкал младенец, мамаша, отчаянно бранясь, шлепнула ребенка. На огне клокотало пахучее варево, до рези в глазах воняло рыбой, одни спали, другие резались в карты. На сложенном в углу тряпье парочка самозабвенно дролилась, не обращая внимания на зрителей. Неподалеку ждали своей очереди двое мужчин. Угрюмых и небритых. Обитатели ночлежки относились к сексу, как хиппи. Подобные нравы преобладали в послереволюционной России. «Дорогу крылатому Эросу!» – вещала озабоченная лесбиянка Коллонтай. В результате каждый четвертый молодой революционер заболел сифилисом...

Размышления – худший враг поединка. Если ситуация выглядит по-настоящему опасной, работай на поражение. Бей первым, не дожидаясь нападения. Выжидание – признак трусости. Метод вепря. Нагнуть голову по-бычьей и бежать напрямиком на разъяренных мужиков?!

Культурист придвинулся ближе, едко пахло рыбьим жиром и пивом. Почему жир?! Об этом – потом. Даша переместила центр тяжести на опорную ногу. Так сильно и точно ей не приходилось бить даже на тренировках. Ладонь вылетела, как камень из пращи, болью резануло в ушибленном давеча черепе. Сомкнутые пальцы угодили точно в горло. Мужчина закашлялся, лицо побагровело. Девушка метнулась к дверям, угадала движение, обернулась. Долговязый мужчина размахивал длинной веревкой, как индеец лассо. Необычные орудия боя используют обитатели параллельного мира! Сбоку крался Булат. В его руке сверкнуло отточенное лезвие. Фантасты утверждают, что путешественник во времени не может погибнуть. Парадокс петли. Субъекта можно ранить, он испытывает боль, гнев, радость. Смерть исключена. Если сценарий пойдет по трагическому пути, время вернет блудного сына в исходную точку. Девушка не успела опомниться, как петля стиснула запястье. В ближнем бою против здоровых мужиков ей удачи не видать! Оставалось надеяться на знание болевых точек. Научил Стрельников, дай бог здоровья вам, Павел Матвеевич! На тренировках он часто говорил:

– Удары не обладают губительной силой. Можешь промахнуться, противник увернется. Захваты, удушения, болевые приемы хороши при равноценной массе и физической форме. Попробуй удушить неприятеля с бычьей шеей, который тяжелее тебя на сорок кило! Боль – самый убедительный аргумент в схватке! К тому же есть точки, вызывающие краткий паралич мышц. Выучить их назубок – все равно что подарить человеку заряженный «Макаров»!

Долговязый сгреб беглянку за шиворот, она сжала узел на пять сантиметров ниже яремной вены. У нее и раньше были цепкие пальцы, а опасность прибавила силы. Прием сработал, как на спарринге. Нападавший побледнел и выронил свой конец веревки из рук. Булат возник рядом, как по волшебству.

– Загублю, шалава! Душу сожгу, волчьё слово!

Улыбка спала, лицо перекосилось злобой и страхом. Нож в его пальцах словно живет своей жизнью, верткое, как ртуть, лезвие готово вонзиться в незащищенную грудь. И тотчас с отчаянным ревом на спину ему набросился Тихон. Человек отлетел на несколько метров, нож выпал и покатился по каменным плитам. Тихон месил кулаками, как настоящий боксер-панчер. Злоумышленники нерешительно пятились назад, встретив отпор, один опрокинулся навзничь, налицо глубокий нокаут, прямой правой пришелся ему в нижнюю часть скулы. Стеклоанное место, так называют уязвимую зону челюсти боксеры.

Ударом ноги Тихон выбил дверцу, вытолкнул девушку наружу:

– Ходу, Даша! Волчье слово, всех порешат, коли не схлынем!

Девушку не требовалось просить дважды. Она скинула веревку с запястья и бежала по высоким ступеням. Затылок обжигало шумное дыхание Тихона. В десяток прыжков она вылетела на улицу и остановилась как вкопанная.

– Не томи, чумичка! Ходу, покуда волки не очухались!

После сумеречного подполья перед глазами плыли радужные круги. На площади возвышалось величественное здание Исаакиевского собора. Монумент архитектуры, парадоксальное слияние классицизма и барокко. Строилось сорок лет и вобрало элементы всех исторических стилей. Храм стоял под тяжестью собственного веса, лишенный фундамента. Колонны возвышались, подпирая могучий эркер. Напротив – памятник Фальконе «Медный всадник». Только вот вместо Петра Алексеевича взмыленного скакуна оседлал незнакомый персонаж. Бронза – благодарный материал. Монголоидное лицо, высокие скулы, хищный взор. На мизинце можно разглядеть длинный загнутый коготь. Отменная деталь памятника – конь, попирающий змею, – не претерпела изменений. Вместо гадюки щиколотку благородного животного обвивает хвостом ящерица, вроде азиатского варана.

Площадь пересек автомобиль. Из выхлопной трубы клубился сизый дым. Сладко запахло ладаном. Большие колеса приводил в движение блестящий поршень, как на старинном паровозе. Двигатель пытел, извергая клубы дыма. Следом мчались всадники в доспехах. В точности картинка из планшета Лоренца! Медные шлемы, как у псов-рыцарей из знаменитого кинофильма, на головах рыцарей, у коней шоры на глазах, копыта мохнатые, и сами лошадки приземистые, будто американские мустанги. Впереди мчалась псовая свара. Откормленные среднеазиатские овчарки, по семьдесят кило весу. С оскаленных пастей стекала пена. Всадник похож на рыцаря с картинки. Длинные седые волосы обрамляли загорелое мужественное лицо, нагрудник сверкал, как надраенная медь, его конь свирепо всхрапывал, закусив удила. Рыцарь навел дуло арбалета, Даша услышала комариный писк возле уха. Острие впилося в крону тополя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.